

В. В. ВИНОГРАДОВ

ПОНЯТИЕ ВНУТРЕННИХ ЗАКОНОВ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА
В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ МАРКСИСТСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

1

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» с поразительным лаконизмом и убеждающей силой строгой и ясной мысли изложена стройная теория марксистского языкознания. Обобщая, развивая и углубляя взгляды Маркса, Энгельса, Ленина на общественную природу языка, на огромное значение его в истории человечества, на закономерности его развития, И. В. Сталин впервые в истории науки о языке дал точное определение сущности языка как общественного явления, его специфических особенностей в ряду других общественных явлений, функций его как средства общения и обмена мыслями между всеми членами общества. И. В. Сталин четко разграничил основные составные части или конструктивные элементы языка, наглядно показав их соотношение и взаимодействие. Он ярко осветил своеобразие языковой структуры, раскрыв в связи с этим общую тенденцию развития языка, состоящую в различии, неравномерности темпов изменений устойчивой «основы» языка и подвижной части словарного состава. В структуре языка, образующей единое целое, все составные части или элементы ее находятся в закономерных отношениях, в закономерной связи друг с другом: звуковой строй, грамматика, словарный состав с его внутренним ядром — основным словарным фондом, — взаимосвязаны и взаимообусловлены. Особенную роль в структуре языка, в его организации играет грамматика и основной словарный фонд, составляющие его основу, «сущность его специфики».

И. В. Сталин подчеркнул, что именно эта сущность специфики языка образует качество языка вообще — в отличие от классового диалекта, — и что именно особенностями грамматического строя языка и его основного словарного фонда определяется качественное своеобразие каждого общенародного языка, его самобытность, его национальная специфика. Устойчивостью этой основы языка объясняется устойчивость языка в целом, его колоссальная сопротивляемость всякой насильственной ассимиляции. Неравномерность темпов изменений разных сторон языка — очень устойчивого в своей основе — не приводит к распаду его структуры, не нарушает его структурной цельности или целостности, внутреннее единство и вместе с тем внутреннее развитие которой, естественно, предполагает противоречия, борьбу старого и нового. Из сталинского учения о языке как продукте целого ряда эпох, о неравномерности развития разных сторон языка следует, что в современном (так же как и в любом) состоянии языка

рядом с недавними, новыми и новейшими языковыми образованиями и явлениями уживаются факты древнейших времен. С этими специфическими особенностями структуры языка как общественного явления органически связано и своеобразие законов его развития. И. В. Сталин ясно и точно охарактеризовал последовательный ход процесса развития языка путем постепенного развертывания и совершенствования основных элементов его структуры и наметил критерии оценки и приемы анализа исторического совершенствования языка. И. В. Сталин указал на методологическую необходимость и плодотворность изучения языка и законов его развития в неразрывной связи с историей общества, с процессом последовательных исторических трансформаций таких общностей, как племя, народность, нация. Глубокое марксистское определение существа языка как общественного явления, тщательно обоснованное историческими фактами объяснение его структуры и характерных признаков, общих тенденций его развития, установление отношения языка к производству, базису, надстройке, его неразрывной связи с мышлением, основных этапов и процессов его историко-общественного движения — все это вплотную приблизило науку о языке к достижению главной ее цели — к пониманию и установлению законов развития языка.

2

Выяснение и конкретизация вопроса о законах развития языка в системе марксистского языкознания неразрывно связаны с качественно новым определением понятий *закон*, *развитие*, а также *внутренние законы развития* разных общественных явлений в философии диалектического и исторического материализма.

Понимание закона в жизни и истории языка менялось в связи с развитием языкознания. Оно зависело от философских основ разных лингвистических теорий. На понимание существа языкового закона оказывали влияние также оттенки бытового словоупотребления. У современных языковедов широко распространено применение слова «закон» к области языковых явлений в том смысле, который установлен младogramматиками и их преемниками. Соответствующая сфера пережиточных представлений о «лингвистическом законе» отчасти отражается вплоть до настоящего времени и у советских языковедов на разных толкованиях сущности внутренних законов развития языка.

Термин «закон» по отношению к языку в до-марксистской лингвистике был лишен устойчивого содержания. Например, у В. А. Богородицкого в «Общем курсе русской грамматики» читаем: «...в области языка можно говорить лишь о законах, касающихся постоянства явления при одних и тех же условиях, но непременно в том же самом языке и говоре и в одну и ту же эпоху... Сила звуковых законов, как и вообще законов языка, основывается на силе памяти и привычки»¹. Даже о звуковых законах, которые первоначально наделялись силою «слепой необходимости», Б. Дельбрюк писал в своем «Введении в изучение языка» (*Einführung in das Sprachstudium*), что они — «...не что иное как единообразия, возникающие в известном языке и в известное время и имеющие силу только для этого языка и времени. Применимо ли вообще к ним выражение «закон», остается сомнительным... Язык слагается из человеческих поступков и действий (*Handlungen*), и поэтому звуковые законы относятся

¹ В. А. Богородицкий, *Общий курс русской грамматики*, изд. 5-е, 1935, стр. 37, примеч. I.

не к учению о закономерности в явлениях природы, а к учению о закономерности человеческих поступков, повидимому, произвольных»².

В очерках общего языкознания и специальных лингвистических работах даже самого последнего времени можно найти и гораздо более шаткие рассуждения о звуковом законе. Так, в «Общем языковедении» проф. А. И. Томсона (гл. V, § 6) — в соответствии со сходными мыслями Г. Пауля в его «Принципах истории языка» — сущность звукового закона сводится к простому констатированию того факта, что «в известное время в определенной языковой группе произошло такое-то звуковое изменение». Некоторые лингвисты вносят еще большие ограничения в понимание характера и сферы действия звукового закона, подчеркивая, что многие фонетические процессы носят спорадический характер. По мнению этих лингвистов, «звуковой закон» обозначает лишь то, что «звуковое изменение произошло в таких-то и таких-то словах и примерах». Аналогичное понимание звукового закона содержится в статье проф. А. М. Селищева «Критические заметки по истории русского языка»³.

Нередко закон праязыка строился ради двух, трех примеров, исключений же из него оказывалось гораздо больше. Необходимость объяснить эти исключения приводила к созданию нового звукового закона, вытесняющего прежний закон, и, таким образом, звуковые законы, по меткому выражению Брюкнера, «как листья, весной появляются, осенью опадают»⁴.

Последовательность и регулярность отдельного звукового изменения, условно названного «законом» (например, закон о переходе *e* в *o* в русском языке и т. п.), в некоторых случаях ограничивались действием аналогии. По отношению к другим сторонам языка термин «закон» применялся в еще более условном смысле и вызывал ироническое отношение к себе со стороны очень видных языковедов (например, со стороны Ф. де Соссюра. См. «Курс общей лингвистики», русск. перев., стр. 96—97). Антиисторизм современного буржуазно-идеалистического языкознания мог привести лишь к ликвидации самого понятия «лингвистического закона» или к его чудовищным извращениям. Так, структуралисты готовы считать «законами» те всевременные или вневременные отношения и связи (чаще всего парные) между элементами языковой структуры, которые они устанавливают путем опустошения и антиисторической схематизации самых разнообразных языковых категорий и явлений. Разрыв и противопоставление «синхронии» и «диахронии» не позволяют связывать даже с понятием фонетического закона историческую последовательность изменений звуковой системы языка. Но если в области фонетики по традиции еще говорилось о законах⁵, то по отношению к изменениям в других сторонах языка чаще употреблялось слово «тенденция». Так, Вандриес в своей книге «Язык» утверждает, что «две основные тенденции главенствуют в морфологических изменениях. Одна проистекает от потребности в единообразии, требующей уничтожения морфем, ставших аномальными («исключениями»); другая же — от потребности в выразительности, стремящейся создавать новые морфемы... Необходимость в единообразии удовлетворяется посредством аналогии»⁶.

² Б. Д е л ь б р ю к, Введение в изучение языка. Из истории и методологии сравнительного языкознания, русск. перев., Спб., 1904, стр. 13.

³ Ученые записки Московского городского педагогического института, кафедра русского языка, выпуск I, т. V, стр. 175—196.

⁴ См. Kuhn's Zeitschrift, 42 т., стр. 384.

⁵ Ср. брошюру А. R o s e t t i, Les changements phonétiques, Aperçu générale, Copenhagen — Bucuresti, 1948.

⁶ Ж. В а н д р и е с, Язык, русск. перев., Москва, 1937, стр. 152.

Теория Марра вообще уводила от познания законов развития языка как специфического общественного явления. Она отождествляла законы развития языка с законами смены и развития надстройки или же произвольно навязывала языку цепь фантастических стадийальных трансформаций, связывая с нею не менее фантастические универсальные «законы семантики».

Обратившись к курсу «Введения в языковедение» проф. Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова, пропитанному влиянием так называемого «нового учения» о языке, мы находим здесь двойственное понимание законов языка. С одной стороны, повторяется то же определение фонетического закона, которое типично для младограмматиков, впрочем, с оговорками, внесенными А. Мейе, Ж. Вандриесом и другими компаративистами этого толка. С другой стороны, Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов рекомендуют «искать закономерности движения языка в той стороне его бытия, которая более непосредственно отражает социальную обусловленность языка, — в формах существования языка в периоды сменяющих друг друга общественно-экономических формаций»⁷. Иными словами, исходя из марровской формулы «классовости» языка и из понимания языка как идеологической надстройки, авторы ищут закономерности движения языка в его «перевоплощениях», обусловленных развитием и сменой базисов, и, следовательно, в мнимых законах стадийальной смены разных типов языка. По мнению Р. О. Шор и Н. С. Чемоданова, можно установить в языках самых разнообразных структур общность путей их стадийального развития. Таким образом, Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов (как и все другие «ученики» Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова) решительно отрицают значение внутренних законов развития языка. По их мнению, идея «самодвижения» языка, идея исторического движения языка, как «движения самопроизвольного, независимого от развития общественного базиса, — насквозь идеалистична»⁸.

Таким образом, в домарксистской лингвистической традиции понимание и истолкование языкового закона было неясно и противоречиво. Для освещения термина «закон» в марксистской философии, а следовательно, и в марксистском языкознании, естественно обратиться к высказываниям классиков марксизма-ленинизма по этому вопросу.

Согласно учению классиков марксизма-ленинизма, закономерность и закон — это прежде всего взаимосвязи явлений, их взаимоотношения. Закономерен именно процесс взаимосвязи явлений — в их развитии. Законами называются также формулы, обобщенно выражающие эти взаимосвязи, взаимоотношения явлений, а также ход и последовательность развития соответствующих явлений в их взаимообусловленности. Взаимосвязь и взаимообусловленность — это наиболее общая и главная черта закономерности и закона. «... Взаимная связь и взаимная обусловленность явлений, устанавливаемые диалектическим методом, представляют закономерности развития движущейся материи»⁹, — учит И. В. Сталин. Закономерный характер имеет не только связь между явлениями, но и связь отдельных сторон или свойств каждого явления. В. И. Ленин указывал, что «взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс дви-

⁷ Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов, Введение в языковедение, Учпедгиз, 1945, стр. 211.

⁸ Там же, стр. 210.

⁹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 541.

жения...»¹⁰ — составляют одну из отличительных черт марксистской диалектики.

Итак, закономерность и закон — не что иное как формы проявления всеобщей взаимосвязи, взаимозависимости и взаимообусловленности явлений в их движении, в их развитии. Однако закономерность, присущая самим явлениям, не покрывается целиком формулой закона.

Закон конкретизирует и углубляет познание закономерности, открывая и обобщая отдельные стороны, формы и качества взаимосвязи и взаимообусловленности явлений. Но закон — лишь часть или грань закономерности. «Закон есть *отношение*»¹¹. «Закон — идентичное в явлении»¹². «...Закон и сущность понятия однородные (однопорядковые) или, вернее, одностепенные...»¹³ Однако сущность — категория более широкая, чем закон. Закон — одна из многообразных форм сущности явлений. В «Философских тетрадах» В. И. Ленина дано такое определение закона: «...понятие закона есть *одна* из ступеней познания человеком *единства и связи*, взаимозависимости и цельности мирового процесса...Закон берет спокойное — и поэтому закон, всякий закон, узок, неполон, приближен»¹⁴.

К. Маркс признал очень удачной данную проф. Кауфманом характеристику его диалектического метода, его понимания законов общественного развития: «Для Маркса важно только одно: найти законов тех явлений, исследованием которых он занимается. И притом для него важен не один закон, управляющий ими, пока они имеют известную форму и пока они находятся в том взаимоотношении, которое наблюдается в данное время. Для него, сверх того, еще важен закон их изменяемости, их развития, то есть перехода от одной формы к другой, от одного порядка взаимоотношений к другому. Раз он открыл этот закон, он рассматривает подробнее последствия, в которых закон проявляется в общественной жизни... Маркс рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, которым управляют законы, не только не находящиеся в зависимости от воли, сознания и намерения человека, но и сами еще определяющие его волю, сознание и намерения...»¹⁵

С этой точки зрения задача подлинной науки состоит в том, чтобы факты «...были возможно точнее исследованы и действительно представляли собой различные степени развития, да, сверх того, важно, чтобы не менее точно были исследованы порядок, последовательность и связь, в которых проявляются эти степени развития...»¹⁶ Быстрота, «темпы» объективного изменения законов зависят от «темпов» существенных изменений в той области явлений, которые закон охватывает. Законы природы и законы общественных явлений в этом отношении не соотносительны. Само собой разумеется, что и в сфере общественных явлений различия в сущности, в специфических особенностях отдельных явлений не могут не сказываться также в характере, существе, длительности действия и темпах изменений свойственных им законов. Очевидно, именно это обстоятельство имеет в виду И. В. Сталин, подчеркивая огромную важность изучения специфических особенностей каждого общественного явления.

¹⁰ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 38.

¹¹ В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 128.

¹² Там же, стр. 126.

¹³ Там же, стр. 127.

¹⁴ Там же, стр. 126.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв. в двух томах, Госполитиздат, 1949, т. I, стр. 414.

¹⁶ Там же, стр. 414—415.

«Конечно, языку, как общественному явлению, — учит И. В. Сталин, — свойственно то общее, что присуще всем общественным явлениям, в том числе базису и надстройке, а именно: он обслуживает общество так же, как обслуживают его все другие общественные явления, в том числе базис и надстройка. Но этим собственно и исчерпывается то общее, что присуще всем общественным явлениям. Дальше начинаются серьезные различия между общественными явлениями.

Дело в том, что у общественных явлений, кроме этого общего, имеются свои специфические особенности, которые отличают их друг от друга и которые более всего важны для науки»¹⁷. И далее, И. В. Сталин дает ясную и точную характеристику специфических особенностей базиса, надстройки и языка. Специфические особенности, выделяющие язык из рядов других общественных явлений, и делают его объектом изучения самостоятельной науки — языкознания. «Без этих особенностей языка, — говорит И. В. Сталин, — языкознание потеряло бы право на самостоятельное существование»¹⁸. Следовательно, изучение законов развития языка должно состоять, с одной стороны, в исследовании закономерностей взаимосвязи, взаимоотношений и взаимодействий языка с другими общественными явлениями в их развитии, а с другой, — в исследовании закономерностей изменений структуры языка, со свойственной ей взаимозависимостью и теснейшей, неразрывной связью всех сторон языка, как целого, и прежде всего в исследовании последовательного хода развития «основы» языка, способов и форм ее движения от одного качества к другому. В. И. Ленин говорит:

«Весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»¹⁹.

3

Классики марксизма учат, что наряду с общими законами исторического развития общества и теми частными законами, которые определяют своеобразие течения общественно-исторического процесса в истории того или иного народа или группы народов, и в тесной связи с ними, — действуют внутренние законы развития, определяющие специфику отдельных общественных явлений, даже «отдельных форм разделения труда». В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс так сформулировал задачи после-гегелевской философии и науки: «Теперь не только перед философией, но и перед *всеми* науками было поставлено требование открыть законы движения этого вечного процесса преобразования в каждой отдельной области»²⁰. В предисловии к третьему немецкому изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (1885 г.) Ф. Энгельс писал: «...Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или в какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером

¹⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1951, стр. 35.

¹⁸ Там же, стр. 36.

¹⁹ В. И. Ленин, Соч., т. 35, стр. 200.

²⁰ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948, стр. 23—24 (сноска); Ср. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 667.

и способом производства и определяемого им обмена»²¹. Этот общий закон движения истории и является вместе с тем основным внутренним общим законом развития классового общества — в отличие, например, от законов развития природы. В работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельс, подчеркнув, что диалектико-материалистическое изучение явлений состоит в изучении их с точки зрения их собственной внутренней связи и, вместе с тем, связи действительной, а не искусственной, вымышленной, делает отсюда такой вывод по отношению к изучению истории общества: «...эта задача в конечном счете сводилась к открытию тех общих законов движения, которые в качестве господствующих действуют в истории человеческого общества». И в этой сфере «...ход истории подчиняется внутренним общим законам ...Где на поверхности происходит игра случайности, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам. Все дело лишь в том, чтобы открыть эти законы»²².

Опираясь на диалектико-материалистическое понимание внутренних общих законов развития общества, К. Маркс и Ф. Энгельс приходят к выводу, что подлинные движущие силы истории заключаются не столько в побуждениях отдельных лиц, хотя бы и самых выдающихся, сколько в тех побуждениях, «...которые приводят в движение большие массы людей, целые народы, а в каждом данном народе, в свою очередь, целые классы»²³.

Сходные мысли о внутренних законах развития общества развивает Ф. Энгельс также в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Он пишет здесь о развитии форм производства: «...случайность — это только один полюс взаимозависимости, другой полюс которой называется необходимостью... Чем больше какая-нибудь общественная деятельность, целый ряд общественных процессов ускользает из-под сознательного контроля людей, выходит из-под их власти, чем более эта деятельность кажется предоставленной чистой случайности, тем больше с естественной необходимостью пробиваются сквозь эту случайность свои собственные ей внутренние законы»²⁴.

В письме к К. Шмидту (от 27 октября 1890 г.) Ф. Энгельс высказывает аналогичные соображения о необходимости при исследовании тех или иных частных проявлений общественной жизни, «отдельных процессов труда», отдельных идеологических надстроек считаться со своеобразиями их «самодвижения», их собственного движения, с самостоятельными законами, вытекающими из природы, из специфики этих явлений»²⁵.

К. Маркс в статье «Будущие результаты британского владычества в Индии» (1853) пишет о «внутренних органических законах политической экономии» в эпоху капитализма²⁶.

Следовательно, внутренние законы развития экономического строя, иначе, базисов, и соответствующих каждому из этих базисов надстроек оказываются общими законами для всей совокупности относящихся сюда общественных явлений, т. е. общественных явлений, принадлежащих или к разряду базисов или к разряду надстроек. Но, вместе с тем, отдельные общественные явления этого рода «в отдельных частностях и внутри

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв. в двух томах, М., 1949, т. I, стр. 211.

²² Там же, т. II, стр. 371 (разрядка наша. — В. В.).

²³ Там же, стр. 373.

²⁴ Там же, стр. 306—307.

²⁵ См. там же, стр. 471.

²⁶ См. там же, т. I, стр. 316.

этой общей зависимости» обнаруживают «самодвижение», имеют свои собственные, им только свойственные внутренние законы развития.

«Все формы общественного сознания приобретают относительную самостоятельность и имеют историю своего развития. Наконец, что очень важно, каждая из форм общественного сознания имеет свою особенность, свою специфику, свои законы возникновения и развития»²⁷.

Это относится, между прочим, и к научному познанию. «Обусловленное развитием общества научное познание имеет и свою относительную самостоятельность, свои внутренние законы развития; одной из внутренних закономерностей развития науки является преодоление противоречащих новым фактам и открытиям науки прежних выводов, теорий и гипотез. Новые факты и открытия приводят к углублению, уточнению, пересмотру, коренной переделке и даже к полному опровержению целого ряда прежних выводов, гипотез и теорий, к утверждению новых, более глубоких и истинных теорий и выводов — такова специфическая форма движения научного познания» (Журн. «Большевик», 1952, № 4, стр. 18—19).

Таким образом, марксистская философия истории подчеркивает необходимость изучать степень относительной самостоятельности и характер своеобразия собственных внутренних законов, присущих даже таким общественным явлениям, процессам и учреждениям, развитие которых, в основном, определяется общими законами смены базисов и надстроек, общими законами развития общества.

В этой связи уместно напомнить место из уже цитированного письма Ф. Энгельса к К. Шмидту, где излагается мысль об относительной самостоятельности закономерностей развития отдельных идеологических надстроек, при подчиненности их общим для всех них законам смены надстроек в связи со сменой базисов. Речь идет о философии, но упоминается и художественная литература. «...Как особая область разделения труда, философия каждой эпохи, — пишет Энгельс, — располагает в качестве предпосылки определенным мыслительным материалом, который передан ей ее предшественниками и из которого она исходит. От этого получается такое явление, что страны, экономически отсталые, в философии все же могут играть первую скрипку: Франция в XVIII веке по отношению к Англии, на философию которой французы опирались, а затем Германия по отношению к первым двум. Но как во Франции, так и в Германии философия и всеобщий расцвет литературы явились в ту эпоху результатом экономического подъема. Преобладание экономического развития в конечном счете также и над этими областями для меня неоспоримо, но оно имеет место в рамках условий, которые предписываются самой данной областью... Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития имеющегося налицо мыслительного материала, но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом, между тем как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения»²⁸.

Понятие «внутренних законов» — своеобразная черта диалектического понимания процессов развития общественных явлений.

«Четкое понимание того обстоятельства, что для любой отрасли науки

²⁷ П. Ф. Юдин, Значение труда И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития общественных наук. Сб. «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“», изд. 2-е, 1951, стр. 129—130.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избр. произв., т. II, 1949, стр. 475—476 (разрядка наша. — В. В.).

важны прежде всего именно специфические особенности изучаемых явлений, толкает к конкретному, творческому изучению этих особенностей, тогда как непонимание этого важнейшего положения толкает к тому, чтобы искать в разнородных явлениях общие черты и подгонять эти разнородные явления под одну схему»²⁹. Именно в связи с этой чертой творческого марксизма, получившей яркое выражение в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», находится стремление марксистской науки установить, наряду с общими закономерностями развития общественных явлений, наряду с законами взаимозависимости и взаимосвязи разных общественных явлений, свои собственные, внутренние законы, свойственные отдельным общественным явлениям и обусловленные их спецификой, их природой, их сущностью. Само собой разумеется, что характер действия внутренних законов развития, их многообразие и сложность, темпы и качество их исторических изменений зависят от сущности соответствующего общественного явления.

4

Совершенно ясно, что при изучении языка в свете трудов классиков марксизма-ленинизма и, прежде всего, в свете сталинской теории языкознания, вопрос о внутренних законах развития языка приобретает особенно важное значение. Природа языка, как специфического общественного явления, его «качество», тесно связанное с сущностью специфики этого языка, ярче всего проявляется во внутренних законах его развития. Стремясь всячески умалить значение внутренних законов развития языка, Н. Я. Марр переносил «центр тяжести не только в семантике, но и в морфологии на обусловленность языковых явлений социально-экономическим фактором»³⁰. Марксистская теория развития языка по собственным, свойственным ему внутренним законам противостоит антинаучной, антимарксистской «теории» Н. Я. Марра и его «учеников» о всецелой обусловленности законов развития языка законами смены базисов, а также разными видами языковых скрещений.

И. В. Сталин учит, что революционные общественные перевороты не вызывают ломки структуры языка, что управляющий развитием и сменой базисов и надстроек в до-социалистическом обществе закон перехода от одного качественного состояния к другому путем взрыва неприменим к языку.

«Не может быть сомнения, — пишет И. В. Сталин, — что теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию. Если верно, что главной задачей языкознания является изучение внутренних законов развития языка, то нужно признать, что теория скрещивания не только не решает этой задачи, но даже не ставит ее, — она просто не замечает, или не понимает ее»³¹.

Показательно, что именно в связи с сокрушительной критикой марровской теории скрещивания как универсального средства образования новых языковых типов И. В. Сталин развивает учение о внутренних законах развития языка, о самостоятельности общенародных, общенациональных языков, об исторической устойчивости их «основ» и о постепенном переходе языка от старого качества к новому. В качестве исторического примера приводится русский язык, с которым скрещивались в ходе исторического

²⁹ Г. И. Н а н, Гениальные труды товарища И. В. Сталина по языкознанию — образец творческого применения марксизма в науке. «Советская Эстония» от 19 июня 1951 г.

³⁰ Н. Я. М а р р, Избр. раб., т. II, стр. 117.

³¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

развития языка ряда других народов и который при этих скрещиваниях выходил всегда победителем, лишь пополняя и обогащая свой словарный состав за счет словарного состава других языков.

«Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития»³².

Общий вывод, который делается И. В. Сталиным из сопоставления разных исторических фактов (истории русского языка, истории балканских языков и др.), — такой: «Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них. На самом деле при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает.

Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков, сохраняет его грамматический строй и основной словарный фонд и дает ему возможность развиваться по внутренним законам своего развития»³³.

Наличие внутренних законов развития языка как общественного явления, ярко освещающих его своеобразие, его специфику в ряду других общественных явлений, вовсе не свидетельствует об отрыве развития языка от развития общества. Как общественное явление язык вообще не существует вне общества. Самый характер и самое качество внутренних законов развития языка тесно связаны с состоянием структуры данного общенародного языка, прогрессивно улучшающейся и совершенствующейся в связи с развитием общества³⁴.

Необходимо иметь в виду, что изменения, вносимые разными общественными событиями и переворотами в общенародный язык и его развитие (если они не ведут к деградации того или иного языка и к поглощению его языком-победителем), отражаются и выражаются в языке согласно внутренним законам его развития как специфического общественного явления. Но прежде чем переходить к этому очень сложному и важному вопросу общего языкознания, необходимо остановиться на марксистском понимании самого процесса развития.

5

Материалистическая диалектика, борясь с метафизикой, учит видеть в процессе развития всеобщую связь, взаимные переходы явлений, развитие от простого к сложному на основе борьбы противоположностей. «...Диалектика рассматривает процесс развития, не как простой процесс роста... Диалектический метод считает, что процесс развития следует понимать не как движение по кругу, не как простое повторение пройденного, а как движение поступательное, как движение по восходящей линии, как переход от старого качественного состояния к новому качественному состоянию, как развитие от простого к сложному, от низшего к высшему»³⁵.

³² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 30.

³³ Там же, стр. 29—30.

³⁴ Достаточно сопоставить, в качестве примера, закономерности образования предлогов и развития предложных конструкций в древнерусском языке XI—XIII вв. и в русском языке XVIII—XX вв.

³⁵ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 41-е, стр. 527.

В фрагментах «К вопросу о диалектике» В. И. Ленин говорит о «спонтанном», т. е. внутреннем развитии явлений как борьбе «противоположностей», противопоставляя диалектическое понимание развития мертвому, бледному, сухому пониманию развития как уменьшения или увеличения, как повторения. Только диалектическая концепция развития жизненна. Только она «...дает ключ к „самодвижению“ всего сущего»³⁶.

В статье «Карл Маркс» В. И. Ленин формулирует такое общее определение развития с позиций материалистической диалектики: «Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе („отрицание отрицания“), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии; — развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; — „перерывы постепенности“; превращение количества в качество; — внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества; — взаимозависимость и теснейшая, неразрывная связь *всех* сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны), связь, дающая единый, закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики, как более содержательного (чем обычное) учения о развитии»³⁷. Вместе с тем, В. И. Ленин предлагал «...точнее понять эволюцию, как возникновение и уничтожение всего, взаимопереходы»³⁸.

Диалектическая теория развития, охватывающая закономерности изменений в явлениях природы и общества, естественно, с течением времени все глубже разрабатывается творческим марксизмом.

Материалистическая диалектика стремится воспроизвести сложную противоречивость и разнотипность изменений, входящих в процесс развития разных явлений природы и общества, установить разные формы закономерностей переходов количественных изменений в качественные. Вместе с тем уже Ф. Энгельс учил не смешивать постепенность развития и эволюцию, так как постепенное развитие может прерываться качественными изменениями, скачками и даже приводить к перевороту, к революции.

Понятие качественного изменения, характеризующегося признаком прерыва количественной постепенности, часто обозначается в произведениях классиков марксизма-ленинизма термином «скачок» (*der Sprung*).

Излагая в «Анти-Дюринге» диалектическое понимание переходов от одной формы движения материи к другой, Ф. Энгельс выдвигает такую формулу: «При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом»³⁹. Тут же Энгельс говорит, с одной стороны, о «решительных скачках», например, при переходе от физики молекул к физике атомов, а, с другой стороны, о скачках редких и незаметных. По словам Ф. Энгельса, «в пределах сферы жизни скачки становятся затем все более редкими и незаметными». Таким образом, Ф. Энгельс в развитии природы, наряду с внезапными, быстрыми скачками или взрывами, признает скачки иного типа, представляющие собой постепенный переход от одного качества к другому, а в пределах этого типа различает «скачки решительные» и «скачки незаметные». Говоря о незаметности скачков в развитии живой природы благодаря наличию связующих, промежуточных звеньев между различными формами организмов и других явлений природы, Ф. Энгельс подчеркивает: «... про-

³⁶ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 328.

³⁷ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 21, стр. 38.

³⁸ В. И. Ленин, *Философские тетради*, стр. 239.

³⁹ Ф. Энгельс, *Анти-Дюринг*, Госполитиздат, 1948, стр. 63.

межуточные звенья доказывают только, что в природе нет скачков *именно потому*, что она слагается сплошь из скачков»⁴⁰.

Таким образом, Ф. Энгельсом были намечены разные формы развития явлений природы, подчеркнута необходимость изучения разных типов качественных изменений или разных типов скачков, характеризующих процесс развития природы.

По отношению к общественным явлениям до-социалистического общества особенное значение приобретала разработка теории развития базисных и надстроечных явлений посредством «взрывов», внезапных и быстрых скачков, характеризующих революционные перевороты. Естественно, что, устанавливая закономерности общественного развития в эпоху до образования социалистического общества, В. И. Ленин и И. В. Сталин глубоко разрабатывают учение о «медленной эволюции» и о «быстрых скачках», об эволюции и революции как двух необходимых формах одного и того же движения⁴¹, о скачкообразном развитии, приводящем к внезапному взрыву⁴². В высшей степени показательна формула, выдвинутая И. В. Сталиным в труде «О диалектическом и историческом материализме»: от незначительных и скрытых количественных изменений развитие переходит к «...изменениям открытым, к изменениям коренным, к изменениям качественным, где качественные изменения наступают не постепенно, а быстро, внезапно, в виде скачкообразного перехода от одного состояния к другому состоянию, наступают не случайно, а закономерно, наступают в результате накопления незаметных и постепенных количественных изменений»⁴³.

В труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» вопрос о переходе от одного качества к другому в кругу общественных явлений освещается с новой стороны и дополняется в высшей степени важными, новыми обобщениями и формулами, чрезвычайно существенными для понимания закономерностей развития языка и других общественных явлений.

Характеризуя развитие языка, И. В. Сталин подчеркивает наличие в этом процессе как количественных, так и особенно качественных изменений и вместе с тем своеобразный постепенный ход языкового развития, чуждого ломки и переворотов. «...Язык остается в основном тем же языком в течение нескольких периодов, одинаково обслуживая как новую культуру, так и старую»⁴⁴. Наиболее чувствителен к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения словарный состав языка, сразу и непосредственно отражающий все изменения в развитии общества. Эти изменения — не только количественного, но и качественного характера. Ведь словарный состав отражает картину состояния языка: «...чем богаче и разностороннее словарный состав, тем богаче и развитее язык»⁴⁵. При этом, несмотря на то, что из словарного состава выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов. Таким образом, развитие словарного состава выражается в количественном росте и в качественном обогащении, в развитии семантической и стилистической разносторонности слов и выражений. Вообще же развитие языка происходит «...путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка»⁴⁶. Этот процесс, сопровождающийся постепенными качествен-

⁴⁰ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1948 стр. 353.

⁴¹ См. И. В. Сталин, Соч., т. 1, стр. 309.

⁴² См. И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 537.

⁴³ Там же.

⁴⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21—22.

⁴⁵ Там же, стр. 23.

⁴⁶ Там же, стр. 27.

ными изменениями во всей структуре языка, приводит к переходу языка от старого качества к новому. И. В. Сталин учит, что грамматический строй изменяется крайне медленно, он совершенствуется, улучшает, уточняет и обогащает свои правила, сохраняя свои основы в течение ряда эпох. Точно так же словарный фонд, некогда очень скудный, хотя и медленно, но неуклонно изменяется. Он развивается, отражая в лексико-семантических группах относящихся к нему слов «успехи познавательной работы» народа и историческое движение общества. Таким образом, и в развитии основного словарного фонда наблюдаются не только количественные изменения, но и качественные преобразования.

По отношению к языку и его развитию И. В. Сталин применяет марксистское понятие «качество». С одной стороны, всякий язык (в отличие от классового жаргона) обладает своим качеством, — тогда, когда он общенароден и не сходит с этой общенародной позиции, когда он сохраняет свою основу, сущность своей специфики — свой грамматический строй и основной словарный фонд. С другой стороны, каждому конкретному языку присуще свое качество в его национально-самобытном своеобразии; иначе говоря, каждый общенародный язык имеет национальную специфику своего качества — свой грамматический строй и основной словарный фонд, воплощенные в соответствующую материально-звуковую структуру. И. В. Сталин указывает на то, что в процессе своего развития язык может переходить от старого качества к новому, и этот переход осуществляется «...путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества»⁴⁷.

Таким образом, развитие языка получило глубокую и ясную характеристику в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Возникновение в языке элементов нового качества, новой структуры диалектически связано с отмиранием элементов старого качества⁴⁸. Процесс постепенного и длительного накопления новых качественных элементов сопровождается их структурным объединением, их интеграцией. Так подготавливается постепенный переход языка от старого качества к новому, состоящий в качественном преобразовании структуры языка. Внутренние законы развития языка определяют как пути и способы качественных изменений его структуры, так и процессы концентрации этих качественных изменений и завершающий их переход языка от старого качества к новому и затем — на новой, более высокой базе — постепенное движение языка к новому качественному состоянию.

Задача языковедов состоит в том, чтобы творчески применить эти марксистские положения к конкретной истории отдельных языков и групп родственных языков, на основе глубоких исследований — научно, марксистски осмыслить исторические закономерности развития разных языков и расширить понимание общих законов развития языка как специфического общественного явления. Таких работ у нас еще не появилось, хотя научные изыскания в этом направлении (правда, не всегда свободные от груза пережитков лингвистической традиции) уже начаты. Но сначала —

⁴⁷ Там же, стр. 27.

⁴⁸ Например, возникновение «предложного падежа» в русском языке связано с отмиранием беспредложного употребления соответствующих падежных форм в обстоятельственных значениях — местных, временных и т. п.; возникновение и развитие категории имен числительных связано с отмиранием предметных значений в употреблении таких слов, как *пять*, *шесть*, *семь*, *десять* и т. п. (т. е. с отпадением их от класса имен существительных); возникновение составных имен числительных типа: *пятнадцать*, а затем *пятьдесят* и развитие новой системы их словоизменения — с утратой понимания их как словосочетаний — *пять на десяти* (ь), *пять десят* и т. п.

что и естественно — особенно увлекло наших философов и отчасти языковедов стремление истолковать в общетеоретическом плане те новые принципы диалектики развития общественных явлений, которые открыты И. В. Сталиным.

6

Ценнейшим вкладом в сокровищницу марксизма-ленинизма является открытие И. В. Сталиным новой диалектической закономерности, нового вида движения, новой формы проявления закона перехода количественных изменений в качественные.

Ясно и точно определив сущность постепенного перехода языка от одного качества к другому и характер языкового развития, И. В. Сталин вместе с тем указал на то, что закон перехода от старого качества к новому посредством взрыва «...не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка»⁴⁹. И. В. Сталин раскрывает новые закономерности развития общественных явлений, возникновения социальных переворотов путем постепенного перехода от одного качественного состояния к другому — в обществе, не знающем враждебных, антагонистических классов. В связи с этим И. В. Сталин предостерегает товарищей от увлечения теорией взрывов. После появления труда И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», естественно, возник общий вопрос о разных формах постепенного перехода от одного качества к другому, свойственных разным явлениям природы и общества. Для языковедов, конечно, особый интерес представляют конкретно-исторические наблюдения над видами или типами качественных изменений, характерными для исторического развития разных отдельных языков в целом, а также разных структурных элементов этих языков. Между тем некоторые наши философы или социологи, склонные к унификации или отвлеченной схематизации разных форм развития явлений природы и общества, обнаружили готовность априорно отождествить постепенный переход языка от одного качества к другому, осуществляющийся путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры, путем постепенного отмирания элементов старого качества, со всяким вообще постепенным переходом от старого качественного состояния к новому как в развитии других общественных явлений, так и в развитии явлений природы.

В своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин, говоря о развитии языка, о переходе от одного качества языка к другому, не употребляет термина «скачок». Он дает точную формулу постепенного перехода языка от одного качества к другому. Так же точно и ясно он ограничивает сферу и эпоху действия «закона перехода от старого качества к новому путем взрыва» в развитии общества. И. В. Сталин указывает на то, что в обществе, не имеющем враждебных классов, перевороты, революции совершаются не путем взрыва, а путем постепенного перехода от старого строя к новому.

Можно ли отождествить и объединить все формы таких постепенных переходов, характеризующих развитие разных общественных явлений, в одной категории, в одном понятии?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует сначала уяснить сущность и характер изменений качества языка как особого общественного явления.

Если оставить в стороне явления деградации языка при превращении

⁴⁹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 28

его в классовый жаргон и процессы поглощения побежденного языка языком-победителем при скрещивании, то законы жизни и развития языка, прежде всего, оказываются резко отличными от законов развития и смены явлений базисного и надстроечного порядка, а в классовом обществе — почти противоположными им.

Развитие языка исключает процессы «ликвидации структуры языка», ломки языка; переворотов, революций, уничтожающих, ликвидирующих основу языка и заменяющих ее новой основой, в истории языка не бывает. Языковой переворот означал бы уничтожение «сущности специфики» данного конкретного языка, ликвидацию его грамматического строя и основного словарного фонда и замену их новыми.

Такой переворот внес бы анархию в общественную жизнь, создал бы угрозу распада общества. Эта закономерность развития языка, состоящая в отсутствии «переворотов», внезапных революций в его развитии, резко отличает язык от других общественных явлений и вместе с тем резко отличает самый характер качественных изменений в языке от качественных изменений в кругу общественных явлений базисного или надстроечного порядка. Там «перевороты», «революции» могут происходить не только посредством «взрывов», «путем разового уничтожения старого и построения нового», путем внезапного перехода от старого качества к новому качеству, но и — в определенных исторических условиях — путем постепенного перехода от одного качества к другому, новому. Вот как говорит об этом И. В. Сталин: «...вообще нужно сказать к сведению товарищей, увлекающихся взрывами, что закон перехода от старого качества к новому путем взрыва неприменим не только к истории развития языка, — он не всегда применим также и к другим общественным явлениям базисного или надстроечного порядка. Он обязателен для общества, разделенного на враждебные классы. Но он вовсе не обязателен для общества, не имеющего враждебных классов. В течение 8—10 лет мы осуществили в сельском хозяйстве нашей страны переход от буржуазного индивидуально-крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путем взрыва, т. е. не путем свержения существующей власти и создания новой власти, а путем постепенного перехода от старого буржуазного строя в деревне к новому. А удалось это сделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства»⁵⁰.

Таким образом, постепенный переход от одного качества к другому в истории явлений базисного или надстроечного характера не только не исключает «переворотов», напротив, он последовательно ведет к перевороту, к революции. Между тем, в истории языка постепенный переход от одного качества к другому не сопровождается «перерывами постепенности» в развитии основы языка, не создает переворотов. Показательно, что И. В. Сталин, указав на возможность переворотов в общественно-политической жизни не путем взрыва, а путем постепенного перехода, приступает затем к критике марровского понимания скрещивания, как способа образования посредством взрыва нового по своему качеству языка, т. е. как языкового переворота. Отметив, что «скрещивание языков есть длительный процесс, продолжающийся сотни лет», И. В. Сталин приходит к выводу о неправомерности мнения, будто бы «... в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на

⁵⁰ Там же, стр. 28—29.

один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них»⁵¹. На самом деле побежденный язык «теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает». А язык-победитель сохраняет свою основу и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития. Следовательно, и тут не бывает «переворотов».

Поэтому никоим образом нельзя отождествлять развитие языка с развитием других общественных явлений базисного или надстроечного порядка. Характерный для языка переход от одного качества к другому путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры не может быть механически распространяем на все другие общественные явления.

Сталинское учение о разных типах или формах развития общественных явлений имеет огромное значение для языкознания, для истории общества, а также для всех других наук. Оно побуждает всех исследователей явлений природы и общества к глубоким наблюдениям над многообразными формами качественных изменений, обнаруживающимися в процессах развития тех или иных явлений. В свете этого учения наши философы и языковеды пытались прежде всего в общефилософском, общетеоретическом плане осмыслить понятия «взрыва» и «постепенного перехода» в процессе развития. При этом они применяли к этим понятиям употребляемый классиками марксизма-ленинизма термин «скачок», сводя все многообразие форм развития к двум формам скачков — скачка со взрывом и скачка без взрыва. На этой почве возникла дискуссия о формах скачков в развитии природы и общества, углубившая понимание процессов развития разных общественных явлений, но давшая очень мало новых выводов и обобщений для теории языкознания.

Несомненно, что понятие скачка как философской категории развития могло бы быть углублено и дифференцировано на основе тщательного и всестороннего исследования разных форм качественных изменений и разных видов перехода от одного качества к другому, свойственных разным явлениям природы и общества. Кроме того, в самом обозначении этого понятия словом «скачок» (*der Sprung*) заключались такие метафорические смысловые оттенки, которые несколько затрудняли применение этого термина к длительному процессу, протекающему в течение ряда эпох. При анализе развития языка необходимо было объединить и в то же время расчленить диалектически взаимосвязанные три вида качественных изменений: а) изменения, свидетельствующие о зарождении, возникновении элементов нового качества, б) изменения, характеризующие ход длительного и постепенного процесса накопления этих элементов, процесса, который сопровождается отмиранием элементов старого качества, и, наконец, в) происходящий в результате накопления этих качественных изменений переход языка от одного качества к другому. При неравномерности темпов изменений отдельных сторон языка становилось еще более сложным решение вопроса о том, как и в каком смысле применять термин «скачок» к тем многообразным, но взаимосвязанным формам качественных изменений, которые характеризуют развитие грамматического строя, основного словарного фонда и подвижной части общего словарного состава, — развитие, не отделимое, в то же время, и от развития звукового строя языка.

Нельзя забывать ту истину, что «механическое перенесение отдельных положений диалектического материализма на какую-либо область жизни без глубокого ее изучения может привести к лженаучным выводам»⁵².

⁵¹ И. С т а л и н, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

⁵² Журн. «Вопросы философии», 1951, № 5, стр. 48.

Тем не менее наши языковеды и философы сразу же выдвинули как предмет дискуссии и стали обсуждать с разных сторон два вопроса:

1) постепенный переход от одного качества к другому при явном отсутствии перерыва постепенности в развитии структуры языка в целом предполагает ли скачки? и какого рода эти скачки?

2) не означает ли указание И. В. Сталина на развитие и других общественных явлений базисного и надстроечного характера путем постепенного перехода из одного качественного состояния в другое, что вообще материалистическая диалектика признает лишь две основных формы развития: а) внезапный переход количественных изменений в коренные качественные — путем взрыва и б) развитие, происходящее путем постепенного накопления элементов нового качества и такого же постепенного отмирания элементов старого качества, иначе говоря, путем скачков, происходящих постепенно?

Едва ли не впервые самые термины «скачок со взрывом» и «скачок без взрыва» появляются в статье акад. Г. Ф. Александрова «Новый выдающийся вклад в сокровищницу марксизма», явившейся одним из первых печатных откликов наших философов на труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»⁵³. Здесь читаем: «Большое значение имеет положение И. В. Сталина о скачках без взрыва в процессе перехода от старого качества к новому. Это новый вклад в учение марксистской диалектики, имеющий особое значение для понимания законов перехода от социализма к коммунизму»⁵⁴. И тут же находим такое замечание: «Впервые в марксистской литературе выяснен вопрос о характере эволюционного развития таких явлений общественной жизни, как язык. И. В. Сталин показал, что в некоторых явлениях, например, в развитии языка, переход от одного качества к другому происходит „не путем взрыва, не путем разового уничтожения старого и построения нового, а путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры языка, путем постепенного отмирания элементов старого качества“. Далее говорится о том, что теория «стадийного развития языка» неверна и «не охватывает действительной диалектики исторического развития языка».

«И. В. Сталин, — заключает акад. Александров, — вскрывает решающую закономерность исторического процесса, в соответствии с которой смена базисов и надстроек в развитии общества происходит через скачки, перерывы постепенности, через революционное преобразование одного общественного строя в другой; вместе с тем он показывает связь, преемственность в истории, в развитии науки, техники, культуры, языка. Труды И. В. Сталина, посвященные отношению марксизма к языкознанию, открыли славную страницу в разработке марксизмом вопроса о революции и эволюции в развитии общества»⁵⁵. Тут видны еще колебания в понимании постепенности процесса развития языка: видеть ли в этом процессе «скачки без взрыва» или считать его «эволюционным» в своем существе.

Но в ходе дискуссии очень быстро вопрос о внутренних законах развития языка тесно сплелся с вопросом о двух формах скачков — «скачка со взрывом» и «скачка без взрыва»; при этом о «скачках без взрыва», которые связывались как с развитием языка, так и с развитием социалистического общества, философами и отдельными языковедами были вы-

⁵³ Журн. «Большевик», 1950, № 14, июль.

⁵⁴ Там же, стр. 33.

⁵⁵ Там же, стр. 34.

сказаны самые противоречивые и нередко явно ошибочные; ни с чем не сообразные суждения.

В. Букановский писал о развитии языка: «Возникновение нового качества в развитии языка, конечно, является скачком, но качественно новая ступень истории языка возникает не путем „взрыва“, а путем длительного скачка, не совпадающего с периодами социальных революций»⁵⁶.

Сходные рассуждения находим в статье Г. Масленникова⁵⁷, связывающего различия в типе скачка с различиями в типе противоречий и, вопреки указаниям И. В. Сталина, объединяющего в этом отношении язык с другими общественными явлениями базисного и надстроечного порядка.

Не прояснила вопроса и специальная статья проф. Б. М. Кедрова «О формах скачков в развитии природы и общества»⁵⁸. Проф. Кедров, определив скачок в развитии как «перерыв количественной постепенности», подчеркивает, что быстрота и внезапность скачка относительны. Скачок бывает длительный, в развитии природы он может охватывать миллионы лет, в общественном развитии — целую эпоху, целые десятилетия. По мнению проф. Кедрова, две формы скачков — скачки со взрывом и скачки без взрыва, происходящие постепенно, имеют универсальный, всеобщий характер. Согласно представлению проф. Кедрова, скачок без взрыва совершается «в виде массы мелких скачков, качественных преобразований, растянутых во времени и составляющих собою большой скачок, происходящий постепенно» (стр. 11). Из анализа развития явлений природы делается такой общий вывод: «Скачки бывают разного типа, порядка и масштаба и совершаются весьма различно. Большие качественные изменения или скачки состоят из более мелких и могут происходить реже и постепенно, а эти мелкие скачки происходят чаще и быстрее и составляют как бы отдельные звенья или ступени осуществления большого скачка. Малые скачки выступают как переходы между различными формами развития данного предмета и рассматриваются как промежуточные звенья одной цепи развития»⁵⁹. В связи с этим Б. М. Кедров видит различие между скачком в виде взрыва и скачком постепенным в том, что скачок-взрыв — это «большой скачок, складывающийся из множества одновременно происходящих более мелких скачков», а второй — постепенный скачок — состоит из последовательной цепи небольших скачков, рассредоточенных во времени.

Переходя к вопросу о развитии языка, Б. М. Кедров заявляет: «Для того чтобы произошли большие, коренные качественные изменения в языке, равнозначные скачку, переход языка из одного качественного состояния в другое, необходимы не годы, не десятилетия, а столетия» (стр. 13). Вопрос о скрещивании языков Б. М. Кедровым связывается с этим же вопросом о длительности перехода языка из одного качественного состояния в другое (стр. 13—14). Скачками в развитии языка Б. М. Кедров считает процессы образования племенных языков из родовых, языков народностей — из племенных и далее национальных языков — из языков народностей.

«Если сравнить, — пишет Б. М. Кедров, — современное состояние

⁵⁶ В. Букановский, Классический образец творческого марксизма. г. Молотов, «Звезда», от 29 июня 1951 г.

⁵⁷ Г. Масленников, О работе И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании», «Красная Башкирия» от 20 июня 1951 г. Сравни. аналогичные положения в статье В. Платковского «Классический образец творческого марксизма», «Московская правда» от 20 июня 1951 г.

⁵⁸ Журн. «Большевик», 1951, № 15, стр. 8—20.

⁵⁹ Там же, стр. 12.

национальных языков с их первоначальным словарным составом (почему только со словарным составом? — В. В.), то можно убедиться, что каждый из языков прошел гигантский путь развития, совершил большой скачок из первоначального состояния к современному, который включает в себя ряд более мелких скачков или переходов из одного качественного состояния в другое... В отношении постепенности перехода языка из одного качественного состояния в другое применимо общее правило диалектики, сформулированное Энгельсом, который писал: «При всей постепенности, переход от одной формы движения к другой всегда остается скачком, решающим поворотом» («Анти-Дюринг», 1950, стр. 63)⁶⁰. Вообще же форма скачка зависит от природы самого явления, от типа внутренних противоречий, лежащих в основе его развития, и от условий внешней среды, в которой возникает и развивается это явление. «Тип противоречий и определяет форму скачка, а противоречия, как известно, бывают двух типов: антагонистические и неантагонистические». «Взрыв есть своеобразная и типичная форма разрешения антагонистических противоречий»⁶¹. Неантагонистические противоречия вполне разрешимы в пределах существующего качества, и «...постепенный переход старого качества к новому есть своеобразная форма разрешения неантагонистических противоречий»⁶². В какой мере применимо к языку понятие «неантагонистического противоречия», соотносительное с понятием антагонистического противоречия, — об этом проф. Б. М. Кедров не говорит ничего. Подводя итоги своим рассуждениям, он пишет: «Труд И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“ обогащает и развивает особо ту основную черту марксистского диалектического метода, которая говорит о превращении количественных изменений в качественные. Новым здесь является развитие И. В. Сталиным положение о двух различных формах скачка, о двух различных путях или моментах перехода от старого качества к новому (взрыв и постепенный переход) и выяснение конкретных условий, когда скачок совершается в форме взрыва и когда — в форме постепенного перехода». И далее: «Сталинское положение о двух формах скачка или перехода от старого качества к новому имеет всеобщий характер, оно развивается дальше и конкретизирует основные положения марксистского диалектического метода, углубляя все наше научное познание как явлений природы, так и явлений общественной жизни»⁶³. Таким образом, в статье Б. Кедрова специфические особенности развития языка затенены и истолкованы неправильно. Развитие языка отождествляется здесь с развитием тех явлений природы и общества, которые развиваются постепенно, путем небольших скачков. Вопреки учению И. В. Сталина, Б. М. Кедров считает большими скачками, «переходами языка от одного качества к другому» процессы образования племенных языков из родовых, языков народностей из племенных, языков национальных — из языков народностей⁶⁴. Между тем, И. В. Сталин вовсе не связывает качественное преобразование всей «основы языка» с этими этапами его развития. Вместе с тем «скачки» в понимании Б. М. Кедрова совсем не связаны с внутренними законами развития языка.

В статье Б. М. Кедрова особенно наглядно выступила многозначность употребления термина «скачок». Так, с одной стороны, говорится о «больших качественных изменениях или скачках» (стр. 12), совершаю-

⁶⁰ Б. Кедров, О формах скачков в развитии природы и общества, «Большевик», 1951, № 15, стр. 14.

⁶¹ Там же, стр. 15.

⁶² Там же, стр. 16.

⁶³ Там же, стр. 20.

⁶⁴ Ср. Р. О. Шор и Н. С. Чемоданов, Введение в языковедение, стр. 234.

щихся в виде массы мелких скачков», «растянутых во времени» (стр. 11). С другой стороны, взрыв определяется как «большой скачок», т. е. тоже как большое качественное изменение, складывающееся «из множества одновременно происходящих более мелких скачков» (стр. 12). Следовательно, первоэлементом развития в том и другом случае признается малый скачок, внутренняя сущность которого остается не определенной, а взрыв и постепенный переход одинаково объявляются большими скачками, отличающимися один от другого лишь продолжительностью и быстротой осуществления. Вместе с тем, с одной стороны, всякий скачок рассматривается как «перерыв постепенности» (стр. 88), а с другой — утверждается, что «скачок протекает либо в форме взрыва, одним ударом, либо без взрыва, постепенно» (стр. 15).

Наконец, слово «скачок» в статье Б. М. Кедрова употребляется как обычная языковая метафора, например во фразе: «Каждый из языков прошел гигантский путь развития, совершил большой скачок из первоначального состояния к современному» (стр. 14). Здесь выражения «пройти гигантский путь развития» и «совершить большой скачок» являются синонимическими.

Абстрактное различие двух универсальных форм скачков становится на некоторое время общим местом нашей философской литературы.

Э. Бурджалов в статье «Сталинский „Краткий курс истории ВКП(б)“ и историческая наука» писал: «В сталинских работах по языкознанию марксистское понимание скачка получает дальнейшую конкретизацию и углубление. Переход от старого качества к новому не всегда происходит путем взрыва, указывает товарищ Сталин. Развитие ряда явлений как базисного, так и надстроечного порядка происходит не путем взрыва, а путем постепенного накопления элементов нового качества и отмирания элементов старого качества»⁶⁵.

И тут, следовательно, совсем ликвидируется различие между развитием языка и «развитием ряда явлений как базисного, так и надстроечного порядка».

Еще раньше статьи Б. М. Кедрова о двух формах скачков были напечатаны тезисы доклада Э. А. Ломтадзе «Некоторые вопросы развития языка в свете трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания»⁶⁶. Э. А. Ломтадзе также исходит из того положения, что эволюция и скачок, как две обязательные формы движения, не существуют отдельно друг от друга и что есть только два вида скачка: скачок со взрывом и обыкновенный скачок.

По мнению автора, обыкновенному скачку, в отличие от взрыва, присущи следующие черты: развитие явлений на основе внутренних противоречий; эволюционная подготовка скачка; перерыв эволюции или качественное изменение, скачок, характеризуемый большей или меньшей продолжительностью; возникновение новой качественности на базе сохранения прогрессивных элементов старого качества.

Заявив, что «скачок в социальной стороне языка характеризуется продолжительностью, хотя он быстрее, чем процесс эволюции» и что «скачок в языке проявляется в речи нового поколения» (разрядка наша. — В. В.), Э. Ломтадзе приходит к следующему общему выводу: «Гениальным сталинским учением о языке отвергаются взрывы в развитии языка, но не отвергаются скачки, скачкообразное развитие языка и языковых явлений. С точки зрения марксистской теории скачки так же закономерны в развитии языка

⁶⁵ Журн. «Большевик», 1951, № 18, стр. 13.

⁶⁶ II (VIII) Научная сессия Института языкознания Акад. Наук Грузинской ССР, посвященная годовщине выхода в свет гениального труда И. В. Сталина «Относительно марксизма в языкознании». План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1951, стр. 30—32.

как эволюция или постепенное изменение языка»⁶⁷. Явное искажение сталинских формулировок в этом последнем тезисе бросается в глаза.

Никаких конкретных примеров скачкообразного развития языковых явлений в тезисах доклада Э. А. Ломтадзе нет. Ссылаться на скачок при освоении языка новым поколением, значит — не видеть никаких внутренних законов развития языка. Ведь, по словам И. В. Сталина, язык создается усилиями сотен поколений. Кроме того, остается совершенно неясным, что понимает Э. А. Ломтадзе под «новыми элементами старого качества» и под «прогрессивными элементами» того же старого качества; выведение нового качества языка из каких-то новых элементов старого качества кажется странным.

В статье Н. С. Сарсенбаева «О различных путях перехода от старого качества к новому»⁶⁸ подведены итоги обсуждения этой темы на кафедре диалектического и исторического материализма Академии общественных наук. Во вступительном слове Б. М. Кедров развивал мысль о том, что «взрыв и постепенный переход от старого качества к новому качеству суть две различные формы революции», что внутренним содержанием каждой из двух форм скачков, по крайней мере, в типичных случаях, служит особый тип противоречий. Вместе с тем, Б. М. Кедров подчеркивал, что «нельзя смешивать понятия эволюции и постепенности», так как «в наше время понятие постепенности приобретает новое содержание, новый более глубокий смысл (ср., например, постепенный переход от социализма к коммунизму)».

В ходе обсуждения вопроса, прежде всего, была подвергнута сомнению теория об универсальности, всеобщем характере двух форм скачка, проявляющихся как в развитии природы, так и в развитии разных общественных явлений. Так, проф. Корнеев указал, с одной стороны, на то, что «нельзя стирать, уничтожать различие между скачком и постепенным переходом», а с другой стороны, доказывал невозможность сводить все многообразие скачков только к двум типам: взрыву или постепенному переходу. По его мнению, наблюдаются, например, в развитии науки и техники такие скачки, которые не являются взрывами и вместе с тем не могут быть признаны и постепенным переходом (стр. 198—199). Кроме того, некоторые из выступавших подчеркивали специфические особенности скачков в условиях развития советского социалистического общества. С возможностью существования других форм скачков, кроме двух, им рассмотренных, вынужден был согласиться и Б. М. Кедров (стр. 201).

Особенно интересны были замечания П. Н. Федосеева, который указал на необходимость вместо абстрактных рассуждений о двух или еще нескольких формах скачков заняться анализом многообразных форм качественных изменений и уже на основе этого анализа уяснить сущность и функции скачков в процессах развития. Вместе с тем П. Н. Федосеев полагает, что говорить о постепенном скачке — значит: не раскрывать самого понятия постепенности. «Скачок может быть моментом постепенного развития, и в основе постепенного развития может лежать целый ряд скачков» (стр. 200).

Таким образом, выяснилась в полной мере необходимость при обсуждении вопроса о различных путях перехода от старого качества к новому исходить из фактов, из конкретно-исторического анализа развития общественных явлений (а также и явлений природы), из более глубокого

⁶⁷ Там же, стр. 32.

⁶⁸ Журн. «Вопросы философии», 1951, № 5.

изучения разных форм качественных изменений, характеризующих специфические особенности движения разных общественных явлений.

О развитии языка посредством скачков на этой же дискуссии в выступлении проф. М. М. Розенталя было высказано несколько соображений, не блещущих новизной. По мнению проф. Розенталя, «постепенность в развитии языка есть форма скачка»; для осуществления такой формы скачка нужны столетия; «переход от национальных языков к зональному языку является огромным скачком, а образование из зональных языков единого общего языка в коммунистическом обществе будет еще большим скачком» (стр. 199). Следовательно, по мнению проф. Розенталя, скачки в развитии языка — дело скорее будущего, чем прошлого, а вся история русского языка от XI в. до современного его состояния проф. Розенталю представляется одним скачком. Таким образом, абстрактное рассуждение о скачках вытесняло, а иногда и совсем устраняло или подменяло вопрос о внутренних законах развития языка.

Легко заметить, что в философской дискуссии о формах скачков в развитии природы и общества самым слабым местом оказался внутренний анализ самого понятия скачка, т. е. анализ форм качественных изменений и их функций, их, так сказать, содержания, сущности и роли в процессе развития разных явлений природы и общества, а также обусловленности внутренними законами развития тех или иных общественных явлений или, во всяком случае, их самой тесной связи с этими законами.

Внутреннее содержание понятия скачка как философской категории, как формы или момента развития, как способа перехода количественных явлений в качественные или как способа перехода от одного качественного состояния к другому отходило на задний план. И это понятно. Этого вопроса нельзя было решать, не поставив перед собой задачи вскрыть специфику развития разных общественных явлений в разные эпохи и не углубляясь во внутренние законы их развития. Поэтому понятие скачка у некоторых философов и лингвистов схематизируется, специфические особенности развития разных общественных явлений часто нивелируются. Основное внимание сосредотачивается на темпах протекания скачка и на его, если можно так выразиться, объеме («большой», «огромный», «еще больший» и т. д.) и интенсивности. В силу этого и у некоторых лингвистов возникает мысль о том, что специфика языкового развития, обусловленная устойчивостью «основы» языка, сохранением ее в течение целого ряда эпох, заключается в редкости, единичности, так сказать, больших скачков в истории языков (а о «малых» или «мелких» скачках трудно было говорить без выяснения сущности процессов возникновения и развития элементов нового качества в разных частях структуры языка).

Доказательству наличия скачков в развитии языка, но в очень небольшом количестве, посвящена статья проф. Г. Д. Санжеева «О специфике качественных изменений в языке»⁶⁹. «Понятия „скачок“ и „постепенность“ — говорит проф. Санжеев, — не всегда исключают друг друга... Скачок в форме постепенного перехода от старого качества к новому может охватывать десятки и даже сотни лет, как это имеет место в развитии языка»⁷⁰. В качестве примера такого языкового скачка Г. Д. Санжеев приводит образование нескольких монгольских языков в XIV—XVI вв. из диалектов некогда единого монгольского языка-основы. Период XIV—XVI вв., по мнению проф. Г. Д. Санжеева, «так или иначе выделяется из длинной цепи веков, в течение которых развивались монгольские языки и их диалекты» (стр. 116). Таким образом, скачками в развитии языка

⁶⁹ Журн. «Вопросы философии», 1951, № 4.

⁷⁰ Там же, стр. 113—114.

Г. Д. Санжеев считает поворотные периоды, с которыми связываются существенные изменения в структуре данного языка. «Именно то обстоятельство, что при переходе языка от одного качества к другому из старого сохраняется очень многое (чаще всего в преобразованном виде), не может не затруднять установление рубежа между двумя периодами в развитии языка». При таких условиях скачкообразный переход языка от одного качества к другому, принимающий затяжной характер, по мнению Г. Д. Санжеева, «приходится устанавливать по преобладанию элементов нового качества над элементами старого качества» (стр. 116). Но как конкретно определить удельный вес элементов нового качества в структуре языка или в отдельных ее частях — соотносительно с элементами старого качества, — как установить преобладание нового, по каким количественным или качественным показателям, — об этом Г. Д. Санжеев не говорит ни слова. Правда, так как грамматический строй изменяется медленнее всего, то, по предложению проф. Санжеева, при определении момента перехода языка от одного качества к другому следует руководствоваться прежде всего изменениями грамматического строя. Но в этой области, понятно, решение вопроса о соотношении элементов старого и нового качества, о преобладании тех или иных, представляет особые, исключительные трудности. Так, по мнению Г. Д. Санжеева, в истории русского языка скачкообразный переход его к новому качеству происходил в XII—XIII вв. (и даже, как выясняется из последующего изложения, вплоть до XV в. включительно), так как к этому периоду относятся утрата глухих звуков и ее последствия, вызвавшие существенное изменение фонетической системы русского языка, а также способов строения основ, затем перестройка системы глагольных форм, оформление категории деепричастия, падение двойственного числа, образование новой системы типов склонения и другие явления. Для подтверждения своей мысли о скачке, происшедшем в истории русского языка в XII—XV вв., Г. Д. Санжеев ссылается на то, что ему русские тексты конца XVI и начала XVII в. понятны и без перевода, между тем как «старые русские тексты с определенного отрезка времени приходится п е р е в о д и т ь на современный русский, хотя этот отрезок оказывается различным для разных жанров и авторов в диахронических рамках XIII—XV вв.» (стр. 117). Любопытно это мнение Г. Д. Санжеева сравнить с замечанием акад. Л. В. Щербы о том, что грань между старым русским литературным языком и современным языком, языком нового качества проходит по второй половине XVIII и началу XIX в.⁷¹ Но, очевидно, при этих оценках и акад. Л. В. Щерба и проф. Г. Д. Санжеев опираются на различия не в грамматическом строе русского языка, а в его словарном составе. По образцу монгольского языка Г. Д. Санжеев готов связать «скачкообразный» процесс развития русского языка в XII—XV вв. с распадом «примерно в этот же период языка восточно-славянской народности на великорусский (русский), белорусский и украинский языки».

Такие же скачкообразные изменения языка Г. Д. Санжеев находит в эпоху от V до начала IX в. в народной латыни. Он считает, что этот трехвековой период является «периодом решающего переворота от народной латыни к старофранцузскому языку», «действительным рубежом между народной латинской речью и французским языком, как бы ни были мало заметны переходы от этого периода к другому во всей цепи промежуточных ступеней в развитии латино-французской речи» (стр. 118—119).

⁷¹ Л. В. Щ е р б а, Литературный язык и пути его развития, «Советская педагогика», 1942, № 3—4, стр. 50—51. Ср. В. В. В и н о г р а д о в, Великий русский язык, Огиз, 1945, стр. 132—136.

Таким образом, по мнению Г. Д. Санжеева, в истории языка наблюдается «скачкообразность» развития. Он пишет: «Под скачком следует понимать период постепенного перехода языка от одного качества к другому» (стр. 119). Такие переходы в истории языка бывают, по мнению проф. Санжеева, весьма редко. Для истории монгольских языков и русского языка он предполагает только по одному скачку. «Поэтому, — заключает проф. Санжеев, — в ходе конкретных лингвистических исследований не следует везде и всюду искать скачки, которые особенно трудно найти, если наши данные о том или ином языке ограничены пределами двух-трех исторических эпох» (стр. 119). При таком, в общем, довольно механическом подходе к пониманию скачков в истории языка оставались неясными как причины, вызывавшие или вызывающие скачок в развитии языка, так и сами внутренние законы развития языка. В самом деле, Г. Д. Санжеев не интересуется взаимосвязью явлений, создающих, по его представлению, скачкообразный переход в развитии языка. Он не ставит вопроса о том, в какой мере процессы выделения ряда языков из одного языка народности, обычно обусловленные распадом государства, влияют на внутренние законы развития соответствующего языка, определяющие переход его от одного качества к другому. Кроме того, если под скачком понимать не только переход языка в целом от одного качества к другому, но связывать понятие скачка и с теми качественными изменениями, которые происходят в отдельных составных частях языка (например, в системе формообразования или словоизменения, в словообразовании, в развитии типов предложения, в изменениях основного словарного фонда и т. п.), то концепция Г. Д. Санжеева как будто предполагает для всех других периодов развития языка, за исключением того, который объявляется скачком, почти полное отсутствие заметных качественных изменений. Г. Д. Санжеев при этом не разъясняет, что он конкретно разумеет под «накоплением элементов нового качества», новой структуры языка и «отмиранием элементов старой структуры» и как представляет себе этот процесс. Судя по отдельным замечаниям, он сводит этот процесс лишь к разным степеням соотношения элементов старого и нового качества в языке, отвлекаясь от изучения принципов их структурного объединения, и признает особенно существенным лишь момент перевеса, преобладания элементов нового качества над старыми.

Едва ли можно считать такое изображение процесса развития языка диалектическим, тем более, что Г. Д. Санжеев вопрос о скачках в развитии языка совсем отрывает от вопроса о внутренних законах развития языка.

Таким образом, обсуждение вопроса о скачках в развитии языка мало подвинуло вопросы изучения внутренних законов развития языка.

Вопрос о скачках в развитии языка может быть решен лишь в том случае, если само понятие скачка получит более точное определение. Если скачком называть качественное изменение вообще, всякий переход количественных изменений в качественные, то нельзя отрицать наличия скачков и в развитии языка; если же скачком называть переход от одного качества к другому, связанный с переворотом, с революционной ломкой прежних отношений, старой структуры, то в языке таких скачков-переворотов не бывает. Периоды интенсивных изменений структуры языка качественно не однородны.

Вопрос о внутренних законах развития языка должен исследоваться на основе конкретно-исторического изучения разных типов изменений того или иного языка в их взаимосвязи, на основе углубленного изучения взаимоотношений всех элементов структуры того или иного конкретного языка в их историческом движении.

В своем труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин не раз упоминает о законах развития языка. Не случайно он говорит, с одной стороны, вообще о законах развития языка, а с другой стороны — о внутренних законах развития языка. Ведь к законам развития языка относятся и законы связи и взаимодействия языка с другими общественными явлениями, законы воздействия разных общественных факторов на язык и на его историю. Язык порожден всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Следовательно, законы его развития, резко отличающиеся от законов смены базисов и надстроек, в то же время не могут не быть тесно и непосредственно связаны с развитием общества, с историей народных масс, с изменениями в объеме и сущности народа как исторической категории. «Язык относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества... Вне общества нет языка. Поэтому, — заключает И. В. Сталин, — язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»⁷². Вникнув в эту цитату и ее контекст, можно заключить, что здесь И. В. Сталин подчеркивает, с одной стороны, методологическую необходимость изучения вообще языка и законов его развития в неразрывной связи с развитием общества, с общими закономерностями истории общества, а с другой стороны — такую же необходимость изучения неразрывной связи отдельного конкретного языка с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка. Общее и особенное, частное, отдельное — взаимосвязаны как в законах развития языка, так и в методах и приемах изучения этих законов. Кроме того, общеизвестно, что есть родственные языки и группы (семьи) родственных языков, следовательно, родственные по языку племена, народности, нации. Само собой разумеется, что изучение языкового родства наций невозможно в отрыве от истории соответствующих наций, от исследования процессов их возникновения, складывания и развития. Таким путем расширяется понимание законов развития данной группы языков и, вместе с тем, углубляется изучение общих законов развития языка.

Следовательно, при изучении законов развития языка прежде всего необходимо обратить внимание на зависимость закономерностей исторического развития языка от закономерностей развития общества, народа, на взаимосвязи и взаимозависимости развития языка и разных общественных явлений. Основу развития языка составляет развитие общества, история народа — творца и носителя этого языка. И. В. Сталин подчеркивает, что изменения общественной жизни, например, появление классов, зарождение государства, развитие торговли, появление письменности, печатного станка, развитие литературы, смена старого общественного строя новым и другие подобные события и перевороты в истории развития общества внесли и вносят большие изменения в язык и его развитие. Таким образом, зависимость развития языка от развития общества очевидна, закономерности развития общества отражаются на развитии языка, хотя законы развития языка не имеют ничего общего с законами смены базисов и надстроек. Развитие форм речевого общения, изменения в функционально-стилевом многообразии языка тесно связаны с историческими измене-

⁷² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22

ниями в объеме, составе и социальной сущности народа как исторической категории. Язык племени, язык народности и национальный язык — ступени исторического развития народного языка, тесно связанные с историей общества. Язык племени, язык народности и национальный язык различаются не только по сложности и развитости своей структуры, по многообразию своих жанров и стилей, но и по своей организующей и объединяющей силе в отношении диалектов и, следовательно, отчасти и по элементам своего качества. Закономерности исторических взаимодействий между общенародным языком и территориальными диалектами обусловлены историей общества, историей развития народа. На это с полной определенностью указал И. В. Сталин в ответе товарищу Санжееву, характеризуя закономерности образования национальных языков на основе отдельных возобладавших диалектов.

Общеизвестно, что направление и удельный вес процессов интеграции и дифференциации языков различны в разные эпохи общественного развития. Грань между языком и диалектом в пределах родственной языковой группы в период развития наций иногда определяется не только и даже не столько степенью качественных различий в их грамматическом строе и основном словарном фонде, но только различием внутренних законов их развития, но и общественно-политическими, социально-экономическими и культурно-историческими условиями жизни народа (ср. например, историю молдавского языка в его отношении к румынскому). Развитие языков от родовых к племенным, от племенных к языкам народностей, от языков народностей к языкам национальным — имеет по отношению к отдельным конкретным языкам целый ряд исторических своеобразий, индивидуальных различий и типических особенностей, обусловленных экономическими и культурно-политическими условиями развития соответствующих народов. Общеизвестны коренные различия процессов формирования и развития национальных языков в условиях капиталистического и социалистического общества. Отсюда и вытекает требование марксистской науки о языке — изучать историю языка в неразрывной связи с историей общества, со всем комплексом характерных для той или иной эпохи истории народа социальных и экономических отношений. И. В. Сталин указал на то, что разные законы, разные формулы определяют развитие общества и развитие языков в разные эпохи. Новые закономерности развития общества в условиях социализма вызовут и создадут новые закономерности развития языков.

Таким образом, только изучение языков в неразрывной связи с историей общества, с историей народов может привести к пониманию законов развития языка. Справедливость этого принципа ярко обнаруживается и в историческом исследовании способов использования того или иного общенародного языка отдельными социальными группами, классами, в истории классовых диалектов, а также базирующихся на них социально-речевых стилей. Тут очевидна обусловленность закономерностей развития этих речевых образований, — классовых диалектов и социально-речевых стилей — законами развития общества, историей классов, законами истории культуры. Кроме того, значение и размах культурной роли того или иного языка, его воздействия на другие языки также определяется общественно-политическими, социально-экономическими и культурно-историческими условиями развития народа — творца и носителя этого языка. Однако уже при изучении истории языка в связи с историей развития общества, с историей народа очевиден специфический характер связи законов развития языка с законами развития общества, языковых категорий с категориями общественно-историческими. И. В. Сталин ярко показал, что механический перенос на общенародный язык тех истори-

ческих закономерностей развития и смены, «взрыва», которым подчинены другие общественные явления, явления базисного и надстроечного характера, — одна из главных причин ненаучности и антиисторизма теории акад. Н. Я. Марра и его «учеников». Законы взаимосвязи и взаимозависимости языка и других общественных явлений ни в какой мере не ограничивают внутренних законов развития языка, хотя и могут оказывать воздействие на их интенсификацию в определенном направлении. При всей зависимости языка, закономерностей его исторического движения от развития общества (что естественно для всякого общественного явления) языку как специфическому общественному явлению присущи свои собственные внутренние законы развития. В термин «внутренний закон» нельзя вкладывать количественно- и качественно-измерительный смысл и различать более внутренние, менее внутренние и самые внутренние законы развития языка — в зависимости от того, в каких сферах языковой структуры эти законы действуют. В таком случае неизбежно окажется, что законы, охватывающие словарный состав, в котором, как известно, прямо и непосредственно отражаются самые разнообразные факты и явления общественной жизни, следует подводить под категорию «недостаточно внутренних» или «относительно внутренних»; законы, управляющие развитием основного словарного фонда, придется считать «средне-внутренними», и только к законам развития грамматического строя дозволительно приложить ярлык — «абсолютно-внутренних». Что касается фонетических законов, то их положение в этой иерархии останется совсем неопределенным. Именно в сторону характеристик такого рода направились мысли проф. П. Я. Черных, изложенные в его статье «О связи развития языка с историей народа в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию»⁷³. Здесь ставится общий вопрос о специфике законов развития разных сторон языка — его словарного состава, основного словарного фонда, грамматического строя и звуковой системы. Проф. П. Я. Черных приходит к выводу, что «формирование основного словарного фонда, поскольку это доступно нашему изучению, происходит по тем же законам, что и формирование словарного состава в целом»⁷⁴. По мнению П. Я. Черных, связь развития основного словарного фонда с историей народа идет по тем же направлениям, что и у общего словарного состава. Но в отличие от словарного состава — в основном словарном фонде не находят непосредственного отражения «факт смены базисов и факт классовой борьбы». П. Я. Черных думает, что к законам развития словаря языка может быть применено лишь понятие «относительно внутренних законов развития языка». По его словам, «внутренние законы развития словарной стороны языка существенно отличаются от внутренних законов развития грамматического строя. Если говорить только об изменениях в лексике (не касаясь, — поскольку это возможно, — семантических изменений), то можно утверждать, что эти изменения, заключающиеся, грубо выражаясь, в том, что одни слова выходят в запас или вовсе исчезают, а другие (новые по форме или старые, но с новым значением) входят в обращение, обуславливаются лишь относительно внутренними законами развития»⁷⁵. Какой смысл вкладывает П. Я. Черных в понятие «относительно внутренних законов развития», видно из последующих разъяснений. «Обновление лексических средств языка, вследствие ли появления

⁷³ Журн. «Известия Академии Наук СССР, Отделение литературы и языка», 1951, вып. 3.

⁷⁴ Там же, стр. 247.

⁷⁵ Там же, стр. 248.

новых предметов мысли, обновления сознания (в русском языке после-октябрьской эпохи: *колхоз, комбайн, стахановец* и пр.), или на почве законов речевой экспрессии и т. д., — говорит П. Я. Черных, — находится в тесной связи с обновлением мышления людей, говорящих на данном языке, и, следовательно, как правило, в связи с соответствующими изменениями в жизни общества, в жизни народа, а также в связи с поведением людей как членов общества — поведением, зависящим от их воли»⁷⁶, т. е. определяется теми общественными факторами, которые П. Я. Черных признает «внешними». Различая в языковых изменениях причины «внешнего» или «относительно внутреннего» порядка (т. е. непосредственно или опосредствованно связанные с общественными изменениями, с развитием общества) и причины исключительно «внутреннего» порядка, понятные только на почве «внутренней жизни языка как системы», П. Я. Черных в силу этого разделяет и внутренние законы развития языка на «относительно внутренние» и «абсолютно внутренние». К этим последним относится, между прочим, «такой мощный фактор языковых изменений, как омонимическое отталкивание», переразложение основ (из *Zolpe-dek* — зонт — зонтик), «увеличение абстрактности мышления» (например, *время* из первоначального значения — «колесо»). «Таким образом, — заключает П. Я. Черных, — развитие лексических средств языка и „смысла слов“ и внутренние законы, действующие в этой области, находятся в общем в теснейшей связи с развитием общественной жизни, хотя эта связь не всегда является прямой и очевидной»⁷⁷.

По мнению П. Я. Черных, «выражение — „внутренние законы развития“ в приложении к грамматическому строю имеет несколько иное содержание, чем в других случаях. Они, эти законы, являются, так сказать; б о л е е „ в н у т р е н н и м и “, т. е. в большей степени испытывающими давление структурных отношений, воздействие системы данного языка, чем, например, внутренние законы развития словаря, лексических средств языка»⁷⁸. Грамматический строй в своем развитии зависит от развития логического, отвлеченного мышления. Впрочем, и тут П. Я. Черных склонен различать факторы менее и более внутреннего порядка. «Многие грамматические явления, в наши дни имеющие абстрактный характер, на начальном этапе их развития оказываются тесно и непосредственно связанными с историей народа» (например, развитие категории числа, категории лица и т. п.). Кроме того, и развитие абстрактного мышления не может быть оторвано от «условий культурной жизни». Таким образом, внутренние законы развития грамматического строя, отличаясь от законов развития словарного состава «прежде всего потому, что они связаны лишь с развитием логического мышления, но не идеологии людей, и потому, что они прямо не зависят от поведения людей как членов общества..., не зависят от смены базисов»⁷⁹, в то же время бывают в полной и не в полной мере внутренними. В полной мере внутренними, по оценке П. Я. Черных, являются такие факторы языковых изменений, как грамматическая ассимиляция (аналогия) и грамматическая диссимилиация, переразложение основы, опрощение основы, грамматикализация. Здесь «давление системы языка становится особенно заметным»⁸⁰. В меньшей мере внутренними являются «законы возникновения новых

⁷⁶ Журн. «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», 1951, вып. 3, стр. 248.

⁷⁷ Там же, стр. 249.

⁷⁸ Там же, стр. 250.

⁷⁹ Там же, стр. 253.

⁸⁰ Там же, стр. 252.

категорий грамматического мышления или вытеснения одних категорий другими (развитие категории одушевленности, вытеснение категории двойственного числа категорией множественного и т. п.)»⁸¹.

По мнению П. Я. Черных, «наименее связанными с сознанием следует считать фонетические законы — законы развития звуковой стороны слов и форм»⁸², хотя, вопреки старым взглядам, нельзя отрицать значения сознательных тенденций к тем или иным звуковым изменениям. «При всем том не подлежит сомнению, что многие фонетические изменения вызываются только давлением фонетической системы, действием законов этой системы»⁸³.

Таким образом, работа П. Я. Черных оставляет неясным, каким образом объединяется или сталкивается действие всех этих «абсолютно, в полной мере внутренних» и только «относительно внутренних», «не в полной мере внутренних» законов развития. При этом каждый из рядов этих законов охватывает лишь специфические сферы языковых явлений — лексику, грамматику, звуковой строй. Правда, П. Я. Черных допускает зависимость грамматических изменений от изменений в лексике, но он в то же время полагает, что «лексические изменения обыкновенно не зависят от грамматических»⁸⁴. Следовательно, «относительно внутренние законы развития» словарного состава оказываются оторванными от «абсолютно внутренних законов развития» грамматического строя. П. Я. Черных не дает ни определения, ни характеристики внутренних законов развития языка как целого.

8

Внутренние законы развития языка выражаются в формулах, обобщающих закономерности и тенденции исторического развития как всех языков вообще, так и групп родственных языков и каждого конкретного языка в отдельности. Общее неотделимо от особенного, отдельного, и в отдельном обнаруживается общее. И. В. Сталин установил внутренние общие закономерности развития всякого вообще языка, вытекающие из сущности языка как общественного явления и из его структуры.

Эти закономерности свойственны языку как специфическому общественному явлению, отличному от базиса и от надстройки и от других общественных явлений. Таковы, например, общий закон перехода языка от одного качества к другому путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества, новой структуры и, соответственно, путем постепенного отмирания элементов старого качества; закон устойчивости «основы» языка, сохранения качества языка; закон постепенного совершенствования языка и т. п. Эти законы проявляются на всех этапах развития языка, во все периоды его истории. Они характеризуют развитие всех языков. Они свободны от ограничений во времени и пространстве, они дают себя знать в языках разного строя. Они определяют характер, специфическое своеобразие развития в области языка как общественного явления, конкретизируясь в разных формах — в зависимости от различий структур разных языков в разные периоды их истории.

И. В. Сталин указал и на те общие законы развития языка, которые связаны с его структурой, от нее зависят. В языке резко различаются по своей роли в структуре языка, по характеру и темпам своих изменений, «основа языка», «сущность его специфики», именно: очень устойчивые —

⁸¹ Там же.

⁸² Там же, стр. 252.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же, примеч. 29.

грамматический строй и основной словарный фонд — и подверженная непрерывным изменениям, подвижная часть общего словарного состава. Непрерывающиеся процессы пополнения языка новыми словами и выражениями, утраты устаревших слов, изменения значений слов «...ни в какой мере не решают судьбу языка. Главное в языке — его грамматический строй и основной словарный фонд»⁸⁵. Так устанавливается закон различий в темпах изменений общего словарного состава языка и структурной основы языка. Этот закон обязателен для всякого языка и для всех эпох его развития. Этот закон органически связан со структурными своеобразиями разных сторон языка. В языке наблюдается сложное многообразие взаимодействий отдельных явлений. Элементы языка существуют лишь как структурные части и частицы разностороннего, сложного и конкретного целого. Познание взаимной связи и генезиса языковых явлений, языковых частей осуществляется путем обнаружения общего в частном и единичном, путем определения и раскрытия сущности явлений. Научные обобщения, научные абстракции, ведущие к открытию внутренних законов развития языка и отражающие «...природу глубже, вернее, *л о л н е е*»⁸⁶, при изучении языка бывают направлены на такие объекты, которые сами представляют собой продукт разных степеней и разных типов абстрагирования. Различия в формах и способах типизации и абстрагирования разных языковых явлений связаны с различиями законов и темпов их исторических изменений. Обобщением является реальное значение слова. Значение слова — не эквивалент понятия в логическом смысле этого термина, но оно складывается на основе обобщенного понимания предметов и явлений действительности. Грамматика охватывает своими категориями весь словарный состав, который получает величайшее значение, поступаая в ее распоряжение. Вместе с тем, слова и выражения в языке — на основе семантических обобщений — группируются в лексико-семантические ряды, подводятся под общие семантические категории, между которыми наблюдаются связи и взаимодействие. Базой этих исторически изменчивых семантических и словообразовательных связей слов является устойчивый основной словарный фонд. Системы формообразования в кругу слов образуют внутренние и тесно связанные ряды грамматических явлений, отражающих в форме абстрактных грамматических категорий разные виды отношений между всякими вообще предметами, свойствами-качествами и действиями в мире действительности. Грамматика отвлекается от частного и конкретного как в словах, так и в словосочетаниях и предложениях. Грамматические абстракции — при всем различии и разнообразии их темпов — иного качества и иной степени, чем те абстракции, которыми обусловлено закрепление познавательной деятельности народа или отдельной социальной группы в словах и выражениях. «...Грамматика, — пишет в связи с этим И. В. Сталин в своей работе „Относительно марксизма в языкознании“, — напоминает геометрию, которая дает свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы, как тела, лишенные конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения таких-то конкретных предметов, а как отношения тел вообще, лишенные всякой конкретности»⁸⁷. Интересно вспомнить в связи с этим рассуждения Ф. Энгельса в «Анти-Дюринге» о математике вообще, подчеркивающие соответствие математических абстракций действительному миру: «Чистая математика имеет своим объектом пространственные формы и количественные отно-

⁸⁵ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 28.

⁸⁶ В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 146.

⁸⁷ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24.

шения действительного мира, стало быть — весьма реальный материал. Тот факт, что этот материал принимает чрезвычайно абстрактную форму, может лишь слабо затушевать его происхождение из внешнего мира. Но чтобы быть в состоянии исследовать эти формы и отношения в чистом виде, необходимо совершенно отделить их от их содержания, оставить это последнее в стороне как нечто безразличное; таким путем мы получаем точки, лишенные измерений, линии, лишенные толщины и ширины, разные a и b , x и y , постоянные и переменные величины, и только в самом конце мы доходим до продуктов свободного творчества и воображения самого разума, а именно — до мнимых величин»⁸⁸.

Несомненно, отличны от наиболее общих и абстрактных грамматических категорий по своему качеству категории словообразовательные. Словообразовательные элементы — аффиксы не всегда развиваются по прямой линии к грамматической абстракции. Степень их обобщающей силы неоднородна и неравномерна. К тому же в большей части случаев она связана и ограничена лексическими значениями тех основ, с которыми сочетается тот или иной словообразовательный аффикс. Сфера абстракции у такого аффикса сужена его значением, вытекающим из структуры и семантики активных типов слов, которые с его помощью образуются. Вообще, явления словообразования ближе к тем грамматическим процессам, в которых происходит слетение и даже столкновение грамматических значений с лексическими и в которых нет полной отрешенности от многообразия конкретных лексико-семантических группировок слов. Таковы, например, в русском языке процессы префиксального видообразования, залоговой дифференциации глаголов, различие родовых классов имен существительных, способы разграничения разных типов наречий и т. п. Следовательно, в сфере словообразования наблюдаются активные процессы абстрагирования, отчасти родственные разным видам грамматической абстракции, но вместе с тем резко отличные от основных типов абстракции, лежащих в основе формирования наиболее общих грамматических категорий.

Таким образом, специфика языка состоит в том, что при взаимосвязанности всех элементов языковой структуры категории языка, относящиеся к разным сторонам его строя, обладают разной степенью отвлеченности, разной степенью обобщающей силы и соответственно — разной степенью охвата его элементов. Поэтому изменения одной структурной части необходимо отражаются на строе целого, но по-разному, с разной степенью и силой захвата основы языка. Переход языка от старого качества к новому качеству, к новой структуре возможен лишь в том случае, когда качественные изменения, охватывая весь строй языка, трансформируют до некоторой степени самую «сущность специфики языка», т. е. его грамматический строй и основной словарный фонд. Этот процесс объединения интеграции элементов нового качества является одним из важнейших факторов преобразования языка.

Не следует думать, что законы развития языка, вытекающие из его общественной сущности, из его общественных функций, и законы, вытекающие из структуры языка, — это разные, связанные закономерно как бы разных планов функционирования языка. На самом деле они взаимообусловлены и неразрывны. Закон перехода языка от одного качества к другому путем постепенного и длительного накопления элементов нового качества и постепенного отмирания элементов старого качества обусловлен структурой языка, структурными свойствами его грамматического строя и основного словарного фонда. С другой стороны,

⁸⁸ Ф. Энгельс, Анти Дюринг, 1948, стр. 37.

сама структура языка, «сущность его специфики» обусловлена общественной природой языка, его ролью в истории общества, тем, что язык порожден «всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков», что он создан усилиями сотен поколений. Язык не знает «переворотов», он не может быть «ликвидирован», так как общество не может существовать без общенародного языка. Грамматический строй языка и его основной словарный фонд определяют историческую преемственность языка, непрерывность его общественного употребления. Устойчивость языка, объясняемая устойчивостью его «основы», неразрывно связана с его общественной функцией — быть средством общения людей и обмена мыслями при изменяющихся исторических условиях жизни, быть той силой, которая помогает народу осваивать запечатленные в языке результаты многовекового мышления и еще дальше развивать это мышление. Таким образом, общественная сущность языка и структура языка взаимообусловлены и диалектически связаны. Та же связь соединяет и все внутренние общие закономерности развития языков, вытекающие из специфических особенностей языка как общественного явления и из «сущности его специфики». Специфика языка как общественного явления и структура языка в равной мере обусловлены его общественными функциями, его значением и ролью в истории общества. Еще К. Маркс указал, что «производство обособленного индивидуума вне общества... — такая же бессмыслица, как развитие языка без совместно живущих и разговаривающих между собой индивидуумов»⁸⁹. «...Производство есть всегда и при всех условиях общественное производство»⁹⁰. Без языка как средства общения и обмена мыслями невозможно добиться успехов в производстве, невозможно само существование общественного производства. Непосредственная связь языка с производственной деятельностью человека позволяет накапливать и передавать последующим поколениям производственный опыт. Результаты общественной практики, результаты познавательной деятельности человека, развития его мышления закрепляются не только в лексике, но и в грамматическом строе языка. Язык и общество — внутренне связанные исторические явления. В общенародности языка заложены специфические качества, своеобразные особенности связи его развития с развитием общества.

За последнее время в советском языкознании стала распространяться тенденция к резкому отграничению общих законов развития языка от законов внутренних. Эта тенденция нашла особенно решительное выражение в статье В. А. Звегинцева «Общие и внутренние законы развития языка»⁹¹. «Пути развития языков, — пишет В. А. Звегинцев, — обнаруживают закономерности двойного порядка. Прежде всего представляется необходимым выделить общие законы развития языка. Эти законы вытекают из сущности специфики языка как общественного явления особого порядка, обладающего своими характерными чертами сравнительно с другими общественными явлениями, из общей природы языка и его общественного значения, из особенностей его построения, из качественных особенностей составляющих его частей. Нельзя себе представить развития языка без участия этих законов»⁹². Казалось бы, что здесь налицо все признаки внутренних законов развития языка как специфического общественного

⁸⁹ К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 194. (разрядка наша. — В. В.).

⁹⁰ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 550.

⁹¹ Журн. «Иностранные языки в школе», 1951, № 5 и 6.

⁹² В. А. Звегинцев, Общие и внутренние законы развития языка. Журн. «Иностранные языки в школе», 1951, № 5, стр. 3.

явления со своей особой структурой (это — законы постепенного изменения языка, сохранения качества языка, неравномерного развития разных компонентов и элементов языка). Но В. А. Звегинцева смущает то обстоятельство, что эти законы, как он выражается, «не могут иметь одинакового протекания в условиях конкретных языковых систем»⁹³. И хотя В. А. Звегинцев предупреждает, что «конкретизация этих общих законов в пределах отдельных языков идет не по линии изменения формулы этих законов, а по линии заполнения этой формулы различным языковым материалом, естественно вносящим в общие законы свои частные уточнения»⁹⁴, все же он отрывает внутренние законы развития языка от этих общих законов. По его словам, «поскольку внутренние законы развития языка, с одной стороны, находятся в прямой связи с индивидуальным качеством языка, а с другой стороны, обеспечивают национальное своеобразие языка, его национальную самобытность, не представляется возможным устанавливать какие-либо универсальные внутренние законы развития»⁹⁵.

Но противопоставлять внутренние законы развития отдельных конкретных языков внутренним общим законам развития языка нет никаких оснований. Общее в истории всех языков сочетается с особенным, определяющим закономерности исторического развития семьи (группы) родственных языков, и с национально-индивидуальным, определяющим своеобразие истории данного конкретного языка и отражающим в известной мере своеобразие исторической судьбы народа — творца и носителя этого языка. Внутренние общие законы развития языка определяют общее направление изменений структуры языка, специфический характер взаимосвязи и взаимозависимости его элементов, они устанавливают в аспекте материалистической диалектики форму или тип развития языка как особого общественного явления и — тем самым — общие тенденции и закономерности развития отдельных конкретных языков. Общие закономерности развития языка, проявляясь в конкретно-исторических изменениях того или иного языка, в изменениях его «материи и формы», сливаются с внутренними законами развития этого языка. Внутренние законы развития данного языка действуют в том или ином направлении в силу специфики его структуры, национальных своеобразий его качества. Они представляют собой конкретно-исторические законы развития того или иного общенародного языка. Анализ конкретных форм развития отдельных языков углубляет понимание внутренних общих законов развития языка — и обратно: знание общих законов помогает изучению особых, частных внутренних законов развития отдельных языков.

9

Внутренние законы развития конкретного языка — это законы его динамики, его количественных и качественных изменений, его перехода от одного качества к другому. Поэтому они изменчивы; как и внутренние законы развития других общественных явлений, они различны для разных эпох. Статические определения внутренних законов развития языка как «совокупности» особенностей того или иного конкретного языка, а также описания «сущности» всех внутренних законов развития языка, встречающиеся, например в статье В. А. Звегинцева, не могут быть признаны диалектическими. Здесь с законами смешиваются их результаты

⁹³ Там же, стр. 12.

⁹⁴ В. А. Звегинцев, Общие и внутренние законы развития языка. Журн. «Иностранные языки в школе», 1951, № 6, стр. 12.

⁹⁵ Там же, стр. 14.

и обусловленные ими способы функционирования языка. Вот эти определения: «Внутренние законы развития языка представляют собой совокупность устойчивых и закономерно проявляющихся особенностей конкретных языков, составляющих качество языка и характеризующих национальную самобытность языка»⁹⁶ «Закономерности объединения разновременнo возникших и возникающих элементов языка в одно структурное целое составляют сущность внутренних законов развития языка»⁹⁷, как будто само возникновение этих элементов происходит независимо от внутренних законов развития языка.

В формулировках этого рода смешиваются и отождествляются внутренние законы развития языка с законами или правилами функционирования языка. Пользуясь, например, родным языком как системой взаимосвязанных элементов, мы употребляем его согласно свойственным ему правилам изменения и образования слов, согласно правилам сочетания слов в предложении, согласно правилам или законам связывания слов по их значениям и т. п. Одни из этих правил являются результатом или продуктом внутренних законов развития языка, уже переставших действовать (например, в современном русском языке изменения основы в непродуктивных классах глаголов: *грести — гребу — грёб, лечь — лягу — лёг; стричь — стрижу — стрижешь* и т. п.; система склонения местоимений и т. д.); другие правила как бы движутся в русле действия живых, активных внутренних законов развития языка, но, естественно, не совпадают с ними (таковы, например, в современном русском языке правила продуктивного образования глагола от имен существительных и прилагательных и связанные с ними правила спряжения этих глаголов; таковы живые правила перехода причастий в имена прилагательные; таковы правила словообразовательного и смыслового разграничения относительных прилагательных с суффиксами *-ск-, -н- и -ов-* и т. д.). Таким образом, в «законах» или правилах функционирования языка в его современном (так же, как и в любом другом) состоянии отражаются как следы или продукты, результаты действия прежних законов развития языка, так и проявления активных, живых внутренних законов его развития, определяющих и направляющих его движение к новому качеству.

Внутренние законы развития языка объясняют сущность кардинальных, узловых процессов истории языка, которые в совокупности своей обуславливают переход его от одного качества к другому. Формулы внутренних законов развития языка принадлежат к тем научным абстракциям, которые «...отражают природу глубже, вернее, полнее»⁹⁸, чем эмпирические утверждения о регулярности или последовательности отдельных, изолированных языковых изменений. Само собой разумеется, что и такие наблюдения и обобщения помогают установлению внутренних законов развития языка.

Внутренние законы развития конкретного языка — это прежде всего законы развития «основы языка». Основа же языка — это внутреннее ядро всей структуры языка в целом. Связь всех элементов грамматического строя, структурные качества слова и предложения в их взаимоотношении, заложенные в структуре слов и предложений возможности и тенденции их развития, способы реализации этих возможностей, взаимодействие грамматического строя и основного словарного фонда, медленно изменяющаяся, исторически складывающаяся система активных грамматических

⁹⁶ В. А. Звегинцев, Общие и внутренние законы развития языка. Журн. «Иностранные языки в школе», 1951, № 6, стр. 15.

⁹⁷ Там же, стр. 21.

⁹⁸ В. И. Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 146.

категорий, определяющих строй основного словарного фонда, лексико-грамматическая группировка слов основного словарного фонда в ее историческом движении и в ее неразрывной связи с такой же группировкой всего словарного состава, история словообразовательных типов, сосредоточенных в основном словарном фонде, степень активности каждого из них и характер их взаимосвязанности, семантические системы внутри основного словарного фонда и их взаимодействие с лексико-семантическими разрядами всего словарного состава в их изменениях — все это определяется внутренними законами развития языка. В языковой структуре соотносительные и внутренне связанные ряды явлений (например, системы склонения или спряжения, система времен, наклонений, видов и залогов глагола и т. п.) подобны цепи, отдельные звенья которой спаяны или связаны между собой и тесно примыкают друг к другу. Понятие структуры языка в свете сталинского учения о языке получает новое содержание. Согласно учению И. В. Сталина, язык не может рассматриваться как расположенная в одной плоскости система соотношений и противопоставлений разных языковых элементов — фонетических, грамматических и лексических. Грамматические явления и элементы основного словарного фонда воплощены в звуковую материю соответствующего языка. Поэтому исключать звуковой состав языка из сферы действия внутренних законов его развития — механистично и антиисторично. Грамматический строй и основной словарный фонд неразрывно спаяны друг с другом. В самом деле, «правила изменения слов», т. е. система грамматического формообразования, связаны с грамматическими классами слов, принадлежащих к основному словарному фонду. Изменения в строе таких грамматических категорий, как части речи, сразу же сказываются и на составе основного словарного фонда (например, в развитии русского языка — постепенное расширение разных видов наречных слов в основном словарном фонде — типа: *рядом, верхом, поперек* и т. д., слов из категории состояния вроде: *жаль, нельзя, любо* и т. п.). Изменения в системе самих грамматических категорий обычно происходят на основе взаимодействий основного словарного фонда и грамматики языка. Самый характер этих взаимодействий исторически изменчив. Достаточно сослаться в истории русского языка на включение существительных с собирательным значением типа *камень, колья* и т. п. в состав форм множественного числа слов *камень, колья* и т. п., на превращение приставочных глаголов в видовые пары форм совершенного вида к формам несовершенного вида и т. п. Так как, по учению И. В. Сталина, основной словарный фонд включает в себя не только корневые слова, которые составляют его ядро, но и, очевидно, известное количество слов производных, а также бывших производными, то, следовательно, наиболее активные, устойчивые и типичные для структуры языка на той или иной ступени ее развития формы словообразования (с соответствующими морфемами и словообразовательными типами, «моделями») также принадлежат к основному словарному фонду. Народная специфика развертывания основного словарного фонда, органически связанная с законами истории грамматического строя соответствующего языка, определяется внутренними законами развития этих словообразовательных типов и категорий, удовлетворяющих потребности общества в словарных новообразованиях. Более быстрые изменения основного словарного фонда сравнительно с грамматическим строем обусловлены его тесной и непосредственной связью с общим словарным составом языка, с его наиболее подвижными частями, особенно чувствительными к изменениям. Изменения основного словарного фонда состоят не только в пополнении его, в лексическом обогащении, но и в развитии значений у входящих в него слов, а также в смысловой дифференциации, в семан-

тическом совершенствовании составляющих его лексических рядов. Изменения в языке, в разных его сторонах разнотипны. Одни из этих изменений, например, изменения в подвижной, неустойчивой части словарного состава, «ни в какой мере не решают судьбу языка». Однако при определенной направленности и лексические изменения могут в процессе их грамматического абстрагирования или семантического обобщения повести к образованию элементов нового качества, новой структуры языка. Именно таким образом была вовлечена в систему видового формообразования глагольная префиксация, ускорившая и осложнившая давний, начавшийся еще в общеславянском языке-основе процесс образования категорий совершенного и несовершенного видов, в развитии русского языка XII—XVI вв. И. В. Сталин учит, что «борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся, между отживающим и развивающимся, составляет внутреннее содержание процесса развития, внутреннее содержание превращения количественных изменений в качественные»⁹⁹. Внутренние законы развития языка определяют общую направленность изменений структуры языка, взаимодействие изменений разных сторон языка, их согласованность, а иногда и их противоречия, а также соотношение, борьбу старого и нового в языке, связь процесса накопления элементов нового качества с процессом отмирания элементов старого качества. Само собой разумеется, что при наличии специфических свойств у словаря в целом, у основного словарного фонда и у грамматического строя языка качественные изменения в них могут протекать в разном направлении, вступать в противоречия. Высказывалась даже мысль о том, что грамматический строй, основной словарный фонд, подвижный словарный состав, а также звуковой строй языка имеют каждый свои особые, только ему присущие внутренние законы развития. Конечно, специфические качества грамматики, в отличие от словаря, предполагают иной тип изменений, и, следовательно, иной характер управляющих ими законов. Но едва ли было бы правильно отсюда заключать, что внутренние законы развития языка, произведшие в определенном направлении перестройку его грамматических категорий, не затрагивают в то же время в той или иной степени словарного состава языка. Если к фонетике отнести не только систему звуков, но и правила их комбинаций, связанные со структурой морфологических элементов, правила ударения и интонации, то неразрывная связь фонетических изменений с грамматическими и лексическими станет неоспоримой. Следовательно, внутренние законы развития языка, как законы, определяющие взаимосвязь, взаимодействие и взаимозависимость качественных изменений разных сфер языка, должны рассматриваться как внутренние законы развития структуры языка в целом со свойственным ей сложным, противоречивым, генетически разнотипным, но внутренне единым и целостным взаимоотношением частей.

Н. Я. Марр и его «ученики», разрушив даже те представления о языке как целом, которые существовали в до-марксистском языкознании, основывали свою антимарксистскую теорию стадияльного развития языка на том положении, что отдельные части языка в результате взрывов «перескакивают» в новую стадию в определенном порядке: сначала синтаксический строй, а за ним словарный состав. По Н. Ф. Яковлеву, «качественное изменение языка, скачок его из одной стадии в другую, начинается с изменения синтаксического строя и состава словаря... Однако завершается и окончательно закрепляется этот скачок лишь в результате качественного изменения морфологии и фонетики»¹⁰⁰.

⁹⁹ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 539.

¹⁰⁰ Журн. «Вопросы философии», 1949, вып. 1, стр. 271.

Акад. И. И. Мещанинов, разрабатывавший на антимарксистских основах схему стадияльного развития языка путем трансформаций строя предложения, как известно, не интересовался фонетическими изменениями и отрицал морфологию. Стадияльная смена типа предложения в его концепции автоматически влекла за собою смену лексики.

Сталинское учение о языке, о его структуре и его развитии положило конец такому механическому обособлению — или соединению — разных элементов языка и изображению исторического движения языка в виде распадающихся частей еще не собранного целого.

Внутренние законы развития конкретного языка обобщают и концентрируют, объединяют как бы в одном узле целые ряды регулярных, последовательных изменений в разных элементах языковой структуры. Естественно, что эти законы могут быть открыты лишь на основе глубокого исторического и сравнительно-исторического исследования отдельных языков и групп, семей родственных языков. Правда, некоторые общие тенденции развития группы языков (например, индоевропейских) как бы подсказываются уже имеющимися исследованиями: установлена, например, тенденция к унификации и упрощению систем именного склонения на основе родовых классов существительных, тенденции развития форм сказуемости, развития многообразия типов предложений, между прочим, сложных предложений с разными формами союзного сцепления частей и др. Однако все это — лишь материалы, и притом не всегда систематически собранные и исторически осмысленные, к тому же явно недостаточные для исследования и открытия внутренних законов развития, свойственных тем или иным группам индоевропейских языков и каждому из них в отдельности.

10

Буржуазные языковеды, чуждые подлинного понимания общественной сущности языка, его общенародности, его специфических особенностей и внутренних законов его развития, наблюдая известное постоянство, закономерность исторического движения языка, иногда говорят о «предопределенном направлении» его изменений. Так Э. Сепир в своем курсе общего языкознания, исходя из принципа индивидуального почина в изменении языка и вместе с тем из признания случайности индивидуальных изменений, которые подобны «волнам морским, ходящим взад и вперед в бесцельном движении», в то же время пишет: «У языкового движения есть свое направление. Иными словами, в нем воплощаются, закрепляются только те индивидуальные различия, которые движутся в определенном направлении, подобно тому, как только некоторые движения волн в бухте соответствуют приливу и отливу. Движение языка осуществляется через бессознательный выбор со стороны говорящих тех индивидуальных отклонений, которые соответствуют какому-то предопределенному направлению»¹⁰¹.

Таким образом, движение языка тут рассматривается как слепая стихийная сила, предопределенное постоянство действий которой остается в своих законах и причинах непознаваемым. Для нас особенно интересно признание Э. Сепира, что даже «знание общего движения языка еще недостаточно для ясного уразумения той линии движения, которой суждено восторжествовать». Ведь для этого еще «нужно знать кое-что об относительной потенции и быстроте развития отдельных компонентов языкового

¹⁰¹ Э. Сепир, Язык, русск. перев., 1934, стр. 122.

движения»¹⁰². Не располагая таким знанием, буржуазно-идеалистическое языкознание в разрешении этих вопросов антиисторически склоняется или к агностицизму или к мистицизму и рассматривает язык как обособленное и полное тайн царство, не находящееся ни в какой связи с развитием общества. Достаточно сослаться на полный отрыв внутреннего от внешнего в развитии языка у Ф. де Соссюра. По его словам, «нет никакой необходимости знать условия, в которых развивался тот или иной язык»¹⁰³. Отсюда и представление о развитии языка в виде замкнутых и оторванных от истории народа систем, как бы накладываемых одна на другую и лишенных внутренней закономерной связи, в виде «слоеного пирога», как выражался Бодуэн-де-Куртенэ. Дальнейшие увлечения структуралистов «панхронией» или «ахронией», связанные с полным отрицанием истории языка, были естественным следствием метафизического и антиобщественного подхода к языку, результатом непонимания его структуры, его общественной сущности и законов его развития. Сталинское учение о неразрывной связи истории языка с историей народа — его творца и носителя — о специфических закономерностях развития языка, о внутренних законах его развития дает нам твердую методологическую базу для построения широкой, всесторонней истории конкретного языка, раскрывающей связь развития этого языка с историей соответствующего народа, с развитием разных сторон общественной жизни этого народа и устанавливающей основные этапы исторического движения этого языка в соответствии с внутренними законами его развития. Так как развитие языка происходит путем развертывания и совершенствования основных элементов существующего языка, то знание этих элементов в их взаимосвязи является необходимым условием изучения внутренних законов развития языка. Следовательно, чем глубже и разностороннее исследованы конкретно-исторические материальные средства изучаемого языка и их изменения, тем шире перспективы изучения внутренних законов развития этого языка. Даже при наличии языкового родства структурные средства и структурные возможности отдельных родственных языков различны.

Исторически сложившиеся в тот или иной период в результате действия внутренних законов развития языка его элементы в их структурном взаимодействии определяют характер и направление последующих качественных изменений этого языка, вызываемых развитием мышления, обогащением результатов познавательной деятельности народа, усложнением и расширением форм общения между членами соответствующего общества. Эти структурные элементы языка оказываются источником не только изменения прежних форм и категорий, но и образования и развития новых структурных единиц и категорий. Вот — конкретные иллюстрации из области развития русского языка, его грамматического строя и отчасти основного словарного фонда в XIII—XVI вв., т. е. в тот период, когда происходит образование языка великорусской народности в процессе дифференциации языка восточно-славянской народности на три языка. В этот период обнаруживаются своеобразные внутренние законы развития русского языка, определяющие общую направленность его качественных изменений в сфере структуры слова. Сюда относятся, прежде всего, явления униформации основы слова в пределах таких частей речи, как имя существительное, прилагательное, а отчасти и глагол. Следы чередований согласных в основе слова, возникших в результате общеславянских смягчений (*волк, волць, волче, волци, волцьх, рука, руць* и т. п.), в XIII—XV вв.

¹⁰² Э. Сепир, *Язык*, русск. перев., 1934 стр. 128.

¹⁰³ Ф. де Соссюр, *Курс общей лингвистики*, М., 1938, стр. 44—45

устраиваются. Форма звательного падежа становится непродуктивной. Любопытно, что соответствующие тенденции распространяются и на класс местоимений (ср. хотя бы *кем* вместо *цъмь*).

А. А. Шахматов придавал этому процессу такое важное значение, что выдвигал соответствующие явления в системе форм имен существительных как признак складывания языка великорусской народности. В связи с названными процессами устанавливаются качественно новые, «внешне-флективные», как выражался Л. П. Якубинский, отношения между основой и окончанием, характерные для живых, продуктивных типов словоизменения и в современной грамматической системе русского языка. На этой базе, путем распределения старых продуктивных и непродуктивных типов именного склонения по трем основным родовым классам и путем отбора из вариантных форм и распространения наиболее веских падежных окончаний, приобретавших известную свободу связи с разными основами, складывается к XIV—XV вв. система современного именного склонения существительных. К первой половине XVI в. все звенья этой системы в единственном числе уже вполне установились. Этот процесс был связан с развитием более абстрактного понимания грамматической структуры слова как системы форм. Как известно, в предшествующий период развития русского языка беспредложные формы отдельных лексических групп имен существительных, например, слов со значением места и времени, могли быть наделены конкретными обстоятельственными функциями (например, в формах винительного, дательного, творительного и предложного падежей от названий места и в формах родительного, творительного и предложного падежей от названий времени, а еще раньше и дательного). Ср. *домой*, *долой* — из *домови*, *долови*; *долу* — книзу; — *горь* — вверх; *кромѣ* — в сторону, прочь (позднее — в значении предлога), *вчера*, *вечор* и т. п. Границы слова как системы форм были зыбкими. Словообразовательные категории и значения были как бы впаяны в систему словоизменения, или, вернее: сложившиеся системы словоизменения еще сохраняли отпечаток словообразовательных функций отдельных своих элементов. Эта черта ярко выступала в древнем соотношении категорий единственного, двойственного и множественного числа в кругу имен существительных и глаголов. Процесс утраты двойственного числа, происходивший в XIII в., способствовал развитию более отвлеченных функций единственного и множественного числа имен существительных. Категории единственного и множественного числа в кругу имен существительных более четко обособляются от соотносительных с ними и как бы пересекавших их категорий единичности и собирательности. Окончательно установившаяся в XVI в. система именных форм множественного числа растворяет и поглощает в себе некоторые слова и формы с собирательным значением. В связи с развитием грамматических абстракций в кругу числовых значений происходит с XIII в. процесс формирования имен числительных в особую часть речи, отделения их от имен существительных, а также от местоимений (*один*, *два* — *два*, ср. *трие*, *три* и *четыре*, *четыри* с функциями прилагательных). Таким образом, явления униформации основ в кругу имен были тесно связаны с ростом более компактного и лексически концентрированного понимания изменяемых слов как грамматически замкнутых систем форм, а также с развитием и углублением грамматической абстракции в кругу категорий падежа и числа и с формированием новой системы типов именного склонения. Сюда же присоединялись процессы отмирания именного склонения имен прилагательных, процессы синтаксической дифференциации кратких и полных форм имен прилагательных, углублявшие морфологическое и семантическое обособление категории имен прилагательных от существительных. Слово-

образовательное и синтаксическое обособление категории имен прилагательных от существительных наметилось еще раньше. Несомненно, что к этим качественным изменениям в понимании форм слова и именных слов, как систем форм, связанным с изменениями в соотношении и взаимодействии таких частей речи, как имя существительное, прилагательное и числительное, примыкает развитие предложного употребления надежных форм имен существительных и лично-указательных местоимений. Параллельно с этими процессами развития предложных конструкций и во взаимосвязи с ними усиливается переход некоторых именных форм в категорию наречия (*около, последи, по силе* и т. п.). Однородные процессы качественных изменений в структуре слова затрагивают и категорию глагола. Здесь униформация основы глагола сочетается с процессами образования категорий совершенного и несовершенного видов и с отмиранием форм имперфекта и аориста. И тут устраняется без всякой ломки — путем постепенного и длительного накопления элементов новой структуры — многообразие форм глагольной основы (ср., например, от *ходити* имперфект *хо(а)жах* при возможности кратной формы *хожати*; от *возити* — *вожах* — при *вожати*, ср. *вожатай*; ср. *печи, пеку, печеть, пекох, печах, пьци* и т. п.). Постепенно к XV—XVI вв. определяются взаимоотношения двух соотносительных, парных видовых основ, проходящих через всю систему глагола. С этим процессом объединяется процесс становления новой системы временных форм глагола. В системе продуктивных глагольных классов, формируемых преимущественно от именных основ, процесс униформации глагольной основы находит чрезвычайно яркое выражение. И в этом кругу развитие грамматической абстракции сказывается не только в образовании чисто видовых префиксов, но и в своеобразном отборе составных форм будущего времени с глаголом *буду* (из вариантов модальных и видовых — *хочу, иму, начьну, почьну*).

Все эти процессы захватили в свое течение и так называемый вспомогательный глагол *быть*, распад системы форм которого привел к сложению устойчивой категории условно-желательного наклонения и к образованию модальных союзов путем агглютинации: *чтобы* (XIV—XV вв.), *будто* (с XVI — нач. XVII в.), *якобы* (XVI в.), *чем бы* (XVI—XVII вв.), *как бы* и т. п. (ср. *будет бы*). Для того чтобы шире представить взаимосвязь явлений, охватываемых этими внутренними законами развития структуры слова в русском языке XIII—XVI вв., следует указать на то, что процессы дифференциации систем словоизменения и систем словообразования были связаны с морфологизацией и семасиологизацией чередований гласных и согласных для разграничения основ разных грамматических классов и разных словообразовательных типов, например, *кон(е)ц-, конеч(н)-* и *конч-, кончи-, конча-* и т. п., с закреплением новой системы продуктивных классов глагола и с развертыванием разных форм отымённого образования глаголов, с изменениями в способах префиксального образования глаголов, с возникновением на основе переразложения морфологических элементов и с развитием новых суффиксов существительных и прилагательных, например, *-шин-, -чин-* (с XIII—XIV в.), *-щик, -чик* (с XIII в.), *-чив-, -лив-* (с XIV—XV в.), и т. д.

Но все это — область больших специальных исследований по истории русского языка, которые получают новую направленность и новый смысл в свете сталинского учения о внутренних законах развития языка.

Уже на этом одном примере легко увидеть, какие разнообразные ряды изменений и притом в разных сферах русского языка регулируются и объединяются внутренними законами его развития, обнаруживаемыми в истории развертывания новой структуры слов в XIII—XVI вв.

11

Вопрос о внутренних законах развития языка — один из центральных в системе марксистского языкознания. От его решения зависит более глубокое понимание сущности языка, основных тенденций его развития, расширение наших знаний в сфере общих закономерностей, свойственных языку как специфическому общественному явлению. Вместе с тем исследование этого вопроса на основе конкретно-исторического материала самых разнообразных языков мира даст твердую базу для периодизации истории этих языков, для установления основных этапов их развития. С изучением внутренних законов развития языков связано уяснение и углубление подлинно марксистских принципов построения истории отдельного конкретного языка, а также всех основных разделов исторического языкознания: исторической фонетики, исторической грамматики, исторической лексикологии. В связи с этим точнее и тверже будет определено и место семасиологии (семантики) в структуре исторического и сравнительно-исторического языкознания. Изучение внутренних законов развития языка помогает глубже понять результаты и проявления их действия, сказывающиеся в способах функционирования, употребления современного языка, в его нормах и правилах, в устойчивых элементах его структуры, шире и всестороннее осмыслить связь и борьбу старого и нового в языке, нагляднее осознать сущность и формы обнаружения живых внутренних законов развития языка. Понятие внутренних законов языка связывает новыми крепкими нитями описательную и историческую лингвистику. Конкретно-исторические исследования в области языков народов Советского Союза и языков зарубежных, направленные на изучение внутренних законов их развития, широко раздвинут горизонт советского языкознания и по подлинно научному пути, указанному великим нашим вождем И. В. Сталиным, выведут его на первое место в мировом языкознании.
